

ГОМИЛЕТИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ИНОКА ЗИНОВІЯ ОТЕНСКАГО.

Зиновій, инокъ Отенскій, доселѣ извѣстный главнымъ образомъ какъ авторъ полемическихъ трудовъ противъ современныхъ религіозныхъ вольнодумцевъ, заявилъ себя въ то же время съ блестящей стороны и на поприщѣ церковно-проповѣднической литературы. Онъ оставилъ два гомилетическихъ произведенія, которыя вполне достойны особливаго вниманія и изслѣдованія. Можетъ быть, подобныхъ трудовъ его было и больше, но время для насъ сохранило только два его похвальныхъ слова въ честь новгородскихъ святителей Никиты и Ионы. То и другое слово, явившіяся черезъ небольшой промежутокъ времени одно послѣ другаго, тѣмъ не менѣе значительно различаются между собою какъ со стороны самаго содержанія, такъ и по своему построенію и характеру, и могутъ служить типичными представителями двухъ видовъ тогдашней гомилетической литературы. Одно изъ нихъ относится къ разряду произведеній ораторскаго краснорѣчія того времени, другое является простою безыскусственной бесѣдою, безъ всякой риторики. Общую ихъ принадлежность составляетъ морально-поучительный тонъ и жизненность содержанія, отвѣчающаго на запросы времени, на событія тогдашней жизни.

Слово на открытіе мощей епископа Никиты.

Вотъ что извѣстно изъ летописей объ епископѣ Никитѣ. „Лѣта 6604 (=1096) поставленъ бысть Новуграду епископъ Никита, а бысть во епископѣи 13 лѣтъ; въ лѣто 6616 (=1108) преставися Никита мѣсяца генваря въ 30-й день и положенъ бысть въ св. Софѣи, въ придѣлѣ Іоакима и Анны“¹⁾. Въ этому хронологическому лето-

¹⁾ 1 Новг. лѣт. = П. С. Р. Л., III; 1 Соф. = П. С. Р. Л., V, стр. 155; Кратк. летописецъ, стр. 179; въ 3 Новг. лѣт. = П. С. Р. Л., стр. 213, указанъ (неверно) годъ смерти 6615.

писанному сообщенію прибавляетъ нѣсколько интересныхъ подробностей извѣстіе, идущее также изъ глубокой старины и занесенное въ Киево-печерскій патерикъ. Разумѣемъ посланіе черноризца Поликарпа къ печерскому архимандриту Акидину о подвижникахъ киево-печерскихъ. Здѣсь передается извѣстный случай искушенія Никиты бѣсомъ во время его подвижничества въ Киево-печерскомъ монастырѣ. Изъ времени его епископства въ Новгородѣ разсказывается о двухъ чудесахъ: низведеніи дождя во время засухи и потушеніи пожара въ городѣ.

Таковы свѣдѣнія объ епископѣ Никитѣ передала потомству древность, и память о немъ, какъ святомъ мужѣ, заступникѣ людей предъ Богомъ, сохранялась даже въ XVI вѣкѣ. Къ нему обращались съ молитвами, и онъ отвѣчалъ на нихъ чудесною помощію. Такъ въ лѣтописи отмѣченъ одинъ случай подъ 7060 (1552) годомъ: „мѣсяца того же (февраля) 21, на третій недѣли вторникъ великаго поста Никита епископъ жену простилъ очною болѣзнію, отъ Троицы съ Кленья изъ деревни Селци, зовуть Евдокѣю, на часѣхъ, какъ отпѣли часы“¹⁾. Около этого же времени случайнымъ образомъ, чрезъ образовавшуюся щель въ гробницѣ, было узнано о нетлѣннй мощей Никиты, что, конечно, усилило его славу, такъ что явилась нужда въ жизнеописаніи святаго и въ хвалебной ему службѣ. То и другое явилось въ 1558 году. „Въ лѣто 7066 мѣсяца октября 28 въ четвертокъ игумень спаской Маркель Хутынскаго монастыря, оставя игуменство, жилъ въ Онтоновѣ монастырѣ шесть мѣсяць (то есть, до конца апрѣля 1558 года) при игуменѣ Варламѣ... да сотворилъ Маркель житіе Никитѣ, епископу Новгородскому и канунѣ, да похвалъ Маркель изъ Новгорода къ Москвѣ“²⁾. Проф. Ключевскій, пресов. Макарій и другіе приписываютъ этому Маркеллу извѣстное по спискамъ житіе Никиты, начинающееся словами: „Въ память вѣчную будетъ праведникъ“³⁾. Это житіе написано, согласно требованіямъ современнаго вкуса, въ напыщенномъ риторическомъ тонѣ. На простой безыскусственной канвѣ первоначальнаго

¹⁾ 2 Новг. лѣт. = П. С. Р. Л., III, стр. 156.

²⁾ Тамъ же, стр. 158.

³⁾ Ключевскій, „Житія святыхъ“, стр. 264—265; Исторія русск. церкви, м. Макарія, VII, стр. 449. Списки этого слова: Имп. Публ. Библиотеки F. I, № 524, л. 160 об.; Рум. Музей, № 154, л. 18 об.; Новг. Софійск. библиотеки, № 1492, л. 160 об.; Рум. Музей, № 629, л. 169 об., и № 692, л. 35; Сборн. древле-Троице-Сергіевск. Лавры, № 629, л. 169 об., и № 692, л. 35; Сборн. древле-Троице-Сергіевск. Лавры, № 1559; библиотеки м. Макарія № 14, л. 165—173 и др.

разказа Маркель создалъ узорную и цвѣтистую ткань риторическаго слова по всемъ правиламъ этого нехитраго искусства. За риторическимъ вступленіемъ о необходимости похвалъ праведныхъ авторъ замѣчаетъ, что „рожденія его мѣста и родителема именованія обрѣсти не возмогохомъ“. Затѣмъ въ общихъ чертахъ передаетъ разказъ объ искушеніи Никиты дьяволомъ и пространно разглагольствуетъ объ его послѣдующей добродѣтельной жизни въ санѣ епископа новгородскаго, объ его чудесахъ и заканчиваетъ описаніемъ смерти и погребенія Никиты.

Игумень Маркель немного не дожилъ въ Новгородѣ до событія, которое дало бы ему больше матеріала для похвальнаго слова. Въ той же 2-й Новгородской лѣтописи за приведеннымъ извѣстіемъ о Маркеллѣ записано: „да того же лѣта (1558) поновляли придѣлъ въ Софійи св. отецъ Акима и Анны“, а это событіе было связано съ открытіемъ мощей Никиты. „Въ лѣто 7066 мѣсяца апріля въ 30-й день обрѣтоша мощи епископа св. Никиты цѣлы и положиша ихъ въ новой ларець“, читаемъ въ той же лѣтописи. Въ честь открытія мощей, по порученію архіепископа Пимена, Іоасафъ, игумень Данилова монастыря, а впоследствии епископъ вологодскій, написалъ похвальное слово св. Никиты. Слово это дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: а) безъ предисловія: „Сей блаженный духоносный отецъ Никита рожденіе имѣяше во градѣ Кіевѣ“... и б) съ обширнымъ риторическимъ предисловіемъ: „Иже въ Троицѣ прославляемаго преблагаго единого дивнаго во святыхъ его Бога“...¹⁾.

Произведение Іоасафа довольно обширно и состоитъ изъ нѣсколькихъ частей. Полное заглавіе его въ Четыхъ-Минейхъ Герм. Тулунова такое: „Повѣсть еже имать сказаніе и житіе и пощеніе и чудотвореніе преподобнаго отца нашего Никиты въ пощеніи великія лавры иже въ Кіевѣ и посемъ бывша епископа великому Новуграду. Списано бысть смиреннымъ ермонахомъ Іоасафомъ, игуменомъ обители Даниловы“.

Въ предисловіи, не богатомъ мыслями, но обильномъ словами, Іоасафъ, между прочимъ, отдастъ обычную дань современному требова-

¹⁾ 1-я редакція въ рукописяхъ Соловецкой библиотеки №№ 818 и 222; библиотеки Ундольскаго № 235, — святцы подъ 31-мъ января и 30-мъ апрѣля лл. 257 и 384 (сокрац.); 2-я редакція въ Четыхъ-Минейхъ Германа Тулунова, рукоп. Троице-Сергіевой Лавры, № 673, л. 360; Московск. Публ. Музей, № 558, л. 883; Четин-Миней Милотина подъ 30-мъ апрѣля, рукоп. Московск. Синод. библиотеки, лл. 1256—1266.

нію авторскаго самоуничженія и обращается къ слушателямъ въ такихъ выраженіяхъ: „да никто же отъ васъ зазритъ ми грубости, понеже бысть поселянинъ и невѣжа слову и не искахъ николиже что отъ юности моя таковое, грамотикии же и риторика, иже кичить высокое разума, сего николиже прочитахъ и извитія словесъ и рѣшенія притчамъ отнюдь лихованъ бысть, и всякія премудрости и разума и слова сложна нимало что навыхохъ, ниже на самое дѣло таковое смѣхъ дерзнути“. Далѣе разказываетъ о повелѣніи архіепископа Пимена написать житіе Никиты. Самое жизнеописаніе Никиты онъ начинаетъ вопросомъ о мѣстѣ происхожденія святителя. Онъ явился „не отъ Иерусалима или отъ Рима, ниже отъ Константина града, но отъ новаго глаголю Египта, сирѣчь отъ славнаго и великаго града Кіева“. Почему Кіеву прилично названіе новаго Египта? А потому, что онъ „бысть якоже бо древле Египетская страна идолослуженія и всякія нечистоты исполнь суци, послѣди же тамо Богу работавшихъ египетскихъ инокъ суци, якоже звѣзды небесныя умножишася“. И въ Кіевѣ прежде принятія христіанства господствовало идолослуженіе. „Егда же рыбарская мрежа по всему міру распространишася, егда гласъ божественныхъ трубъ евангельскихъ во вся концы земныя велегласно возгремѣ“,—тогда и Русь посѣтилъ апостолъ Андрей. Затѣмъ онъ разказываетъ объ этомъ посѣщеніи, объ основаніи обители Печерской и прославившихся въ ней инокахъ-чудотворцахъ, „въ нихже бѣ и... отецъ нашъ Никита, днесь нами торжествуемый, того града Кіева родомъ“. Далѣе Исаафъ подробно передаетъ разказъ Поликарпа о св. Никитѣ, распространяя его вымышленными разговорами Никиты съ игуменомъ и съ дьяволомъ. Желаніе Никиты сдѣлаться затворникомъ авторъ объясняетъ прямо внушеніемъ дьявола: „сія врагъ влагаетъ ему въ умъ“,—говоритъ онъ. Послѣ жизнеописанія Никиты слѣдуетъ разказъ о обрѣтеніи его мощей; при этомъ сдѣлано весьма интересное вступленіе, рисующее современное религіозное движеніе въ русской церкви. Подобно тому, какъ Богъ скрылъ въ горѣ семь отроковъ во время гоненія царя Декія, и они по прошествіи 372 лѣтъ, въ царствованіе императора Θεодосія, возстали „на обличеніе еретикомъ, блядущимъ истину на лжу, глаголющимъ, яко не быти воскресенію мертвыхъ,—сиде же подобно сему бысть и здѣ, въ царствіи Россійскія земля.. Многимъ бо тогда поколебавшимся ересію нѣкоєю, не токмо отъ священныхъ или инокъ, но и отъ простыхъ людей, ученіемъ нѣкоихъ иныхъ пустынникъ именовъ Артемія и того ученика Θεодосія, ихъ же азъ не

судя глаголю враги быти истинѣ, имъ же кончина погибель, имъ же Богъ чрево и слава въ студѣ имъ, иже земная мудрствующе и миръ сей и сладость его возлюбиша, Господа же нашего Исуса Христа Бога всѣхъ и славы его отвратишася, осуетишася помышленьми своими и омрачися неразумно ихъ сердце, глаголющеся быти мудри обьюродѣша. Та же по сихъ бѣгуны быша въ землю тужду и тамо конечнѣ растлѣшася тою душегубною ересію, глаголють бо, якоже той Θεодосъ возлюби латынство (!) и жену поять. Глаголаху бо и учаху они окаяннии, яко иже отъ вѣка Богу угодившеи святіи по смерти ихъ ничтоже могутъ сотворити и никоеже имуть дерзновеніе стати въ день судный предъ Господемъ нашимъ І. Христомъ, всѣхъ царемъ, и мнози отъ нихъ стануть опую его въ день судный, и не вѣрующе чудесемъ святыхъ бываемымъ отъ нихъ. Егда сіи окаянни хотяху чудеса святыхъ молчаніемъ утаити, тогда паче чудесная труба велегласнѣйше слышится во всей земли—это именно явленіе мощей св. Никиты. Явленіе это было предварено и сопровождалось чудесными событіями. Въ одну ночь св. Никита явился къ новгородцу Исааку и къ самому архіепископу Пимену съ извѣстіемъ объ открытіи его мощей. Во время торжественнаго богослуженія, по случаю явленія мощей, когда въ церкви совершалось чтеніе, и служащіе сидѣли въ алтарѣ, одинъ священноинокъ „мало взремнулъ“ и увидѣлъ, что св. Никита вошелъ въ алтарь съ кадиломъ и началъ кадить престолъ, иконы и всѣхъ присутствовавшихъ. Въ день обрѣтенія мощей (30-го апрѣля) въ осажденномъ русскими полками городѣ Ругодивѣ, „видѣша мнози отъ латынъ, иже во градѣ,—въ полцѣхъ русскихъ челоуѣка, ѣздяца на конѣ по берегу рѣки Наровы, въ ризахъ святительскихъ, у него же нѣсть браны¹⁾, прогоняца латынъ (!) отъ русскихъ полковъ, въ рупѣ же имуща жезлъ съ крестомъ“. Многіе изъ русскихъ также видѣли этого всадника и, придя въ Новгородъ къ мощамъ Никиты, узнали въ немъ своего чудеснаго помощника. „То же видѣніе повѣдаше по взятіи Ругодивскомъ латынинъ нѣкій именовъ Иванъ, бывъ старѣйшина того града Ругодива“. Далѣе описываются чудеса, бывшія отъ мощей св. Никиты (всего числомъ 25). Заключается слово молитвой автора къ Никитѣ.

Существуетъ еще одно похвальное слово въ честь Никиты, явив-

¹⁾ Епископъ Никита рисуется всегда безбородымъ. Когда одинъ живописецъ задумалъ на иконѣ нарисовать его съ бородой, то святитель предупредилъ его намѣреніе, явившись ему во снѣ, и запретилъ дѣлать это (Чудо 24-е).

шеюся послѣ открытія его мощей; начало его: „Велика и ветха сокровища, дивно и радостно откровеніе, добра и сильна богатства“¹⁾. Указать творца его пока никто не пытался, приписать же его перу Іоасафа препятствуетъ различіе въ передаваемыхъ подробностяхъ открытія мощей, приближающее его больше къ слову Зиновія. Кромѣ образцовъ риторическаго искусства, слово это ничего не представляетъ интереснаго.

Слѣдуя хронологическому порядку, теперь мы должны перейти къ произведенію Зиновія²⁾. Послѣ всего того, что сказано о св. Никитѣ его предшественниками,—трудно, казалось бы, рѣшиться на новое предпріятіе въ томъ же родѣ. Біографическія свѣдѣнія, какія сохранила древность, были уже повторены съ достаточнымъ пространеніемъ и комментаріями; объ открытіи мощей было разказано обстоятельно, наконецъ—къ чести и славѣ святаго были указаны и чудодѣянія, творившіяся при его останкахъ. При всемъ томъ, слово Іоасафа было написано согласно требованіямъ тогдашняго вкуса, такъ что и съ этой стороны жизнь Никиты не нуждалась въ добавленіяхъ. И если челоуѣкъ и послѣ этого рѣшается писать о Никитѣ, то, значить, онъ надѣется сказать и больше и лучше своихъ предшественниковъ. И мы должны отдать честь Зиновію: онъ вышелъ съ достоинствомъ изъ указаннаго затрудненія и болѣе глубокимъ смысломъ содержанія и риторическимъ блескомъ затмилъ славу предшествующихъ трудовъ. При незначительномъ фактическомъ матеріалѣ онъ сумѣлъ создать такое обширное слово (60 листовъ полуустава in-folio), равныхъ которому можно указать весьма не-

¹⁾ Списки его въ рукоп. Соловецкой бібліотеки, № 818, лл. 526 об.—528 об. послѣ слова Іоасафа; сборн. древнехранилища Погодина № 1559, лл. 26—28, слѣдуетъ послѣ сказанія изъ Патерика, предъ которымъ помѣщено слово Марцелла.

²⁾ Уважемъ здѣсь еще два позднѣйшихъ слова о Никитѣ. Одно изъ нихъ находится въ Четіяхъ-Минеяхъ свѣщ. Милютина подъ 31-мъ января (рук. Моск. Син. Библ., № 801, л. 1649) и представляетъ коротенькій біографическій разказъ по Патерику, а въ концѣ замѣтка объ открытіи мощей, при чемъ годъ 7059 указанъ невѣрно (можетъ быть, подъ влияніемъ Зиновія). Второе слово принадлежитъ пресвитеру Василію, въ монашествѣ Варлааму, біографу псковскихъ святыхъ. Онъ „при составленіи житія усердно воспользовался (словомъ Зиновія), хотя писалъ, какъ говоритъ, по порученію самого м. Макарія“,—замѣчаетъ преосв. Макарій („Ист. русск. церкви“, VII, 450, ср. *Ключевскаго* „Житія святыхъ“, стр. 267). Слово это находится въ сборникѣ бібліотеки Царскаго, № 133, принадлежащей нынѣ гр. Уваровой; начало его: „Приидѣте возлюбленніи о Господѣ добліи послушницы“. Намъ не удалось видѣть этой рукописи.

много. И хотя своимъ объемомъ слово обязано главнымъ образомъ витиеватою и риторическою рѣчи, тѣмъ не менѣе умъ Зиновія не позволилъ ему расплыться въ пустой, безсодержательной риторикѣ, безъ мысли, безъ цѣли; у него чрезъ все слово проходитъ одна идея, къ раскрытію которой и направлены все подробности; встрѣчающіяся по мѣстамъ уклоненія отъ этой центральной идеи также освѣщены какою нибудь мыслью, носятъ на себѣ явную тенденцію, по большей части, морально-поучительную.

Прежде чѣмъ излагать содержаніе слова, намъ слѣдуетъ доказать принадлежность его Зиновію, установить время появленія и выяснитъ его назначеніе.

Авторомъ этого слова несомнѣнно должно признать Зиновія. На это мы имѣемъ указанія и внѣшнія и внутреннія. Прежде всего слѣдуетъ поставить свидѣтельство самого Зиновія. Какъ бы ни углублялись любители въ изслѣдованіе того, кто былъ авторомъ „Многословнаго посланія“¹⁾, все же ничье имя не можетъ стоять всего приличіе на мѣстѣ автора, кромѣ имени Зиновія. Пока не найдено другаго имени, авторство Зиновія можно считать прочно установленнымъ и непоколебимымъ. Въ „Многословномъ же посланіи“ есть ясное и прямое указаніе на то, 1) что авторъ его писалъ слово о Никитѣ, и 2) что словомъ этимъ можетъ быть только вышеприведенное. Ссылка эта читается такъ: „Понеже и мощи святыхъ почитати научаемы есмы отъ Моисея, внегда ему со всемъ Израилемъ носити мощи Іосифовы 40 лѣтъ, и колико же зло не почитати святыхъ мощей увѣдахомъ, внегда слышимъ благочестиваго царя Езекию многимъ томленіемъ отъ Бога запрѣщаема и мучима плененіемъ чадѣ его съ Іерусалимомъ градомъ святымъ и съ святыя святыхъ храмомъ, якоже писаю; пространіе же о сихъ изъявлено въ словѣ иже о явленіи телеси святаго епископа Никиты Великаго Новаграда“ (стр. 237—238). Изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ словъ объ этомъ святителѣ, приведенное слово всего болѣе рассуждаетъ на эту тему и истину почитанія святыхъ и мощей ихъ основываетъ на прочныхъ и твердыхъ положеніяхъ.

Ссылку на это же слово мы находимъ еще въ похвальной словѣ

¹⁾ Издано А. Поповымъ въ *Чт. Общ. Ист. и Древн.*, 1880 г., 2 кн. и отдѣльно. Довѣдательства въ пользу авторства Зиновія въ статьѣ П. О. Николаевскаго, (*Духовн. Вѣстникъ*, 1865 г., № XI; есть и возраженія противъ этого, напримѣръ, въ *Истор. Вѣстникъ* 1880 г., № 12).

Зиновія на открытіе мощей архіепископа Іоны, гдѣ онъ ставитъ въ связь эти два событія и прямо замѣчаетъ: „Никиты убо приснопамятнаго въ свое ему время отдасть уже слово, въ нежъ по явленіи прославленъ бысть отъ Бога, и дивная *Божія благодать* глаголана тогда; нынѣ же о обрѣтеніи мощей блаженнаго архіепископа Іоны глаголемо“¹⁾. Здѣсь ясно указывается слово о Никитѣ даже по заглавію.

Пространное надписаніе этого слова, содержащее указаніе главныхъ предметовъ рѣчи, совершенно въ духѣ нашего инока; это его исключительная особенность, отразившаяся на заглавіи книги противъ еретиковъ, а также и слова объ Іонѣ. Далѣе мы находимъ много сходства слова съ „Истины показаніемъ“ въ мысляхъ, доводахъ и даже излюбленныхъ выраженіяхъ, особенно въ его аргументаціи на защиту почитанія святыхъ и мощей ихъ²⁾. Въ самомъ содержаніи замѣтно проступаетъ склонность автора вдаваться въ глубокія отдаленныя толкованія, въ отысканіе таинственнаго скрытаго смысла въ событіяхъ или словахъ³⁾, что также замѣтно и въ „Истины показаніи“. Довольно характерны картины природы, которыя неоднократно рисуются въ словѣ, что вполне отвѣчало склонности Зиновія, какъ любителя природы и естественно-научныхъ разсужденій, и что нерѣдко можно встрѣчать и въ „Истины показаніи“. Наконецъ, знатоки древней литературы указываютъ на самый языкъ слова и полемическое направленіе—подобные тѣмъ, какіе замѣчаются и въ главныхъ трудахъ Зиновія⁴⁾.

Можно думать, что слово свое Зиновій предназначалъ для произнесенія передъ собраніемъ слушателей въ церкви или въ монастырской трапезѣ. Онъ самъ называетъ его „словомъ“ и „бесѣдою“; въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „прочее время есть слышати хотящимъ о явленіи тѣлесе святаго: сіе бо и собра насъ днесь“ (л. 313 об.). Предполагалось, очевидно, нарочитое и многолюдное собраніе, конечно, въ день празднованія памяти святаго. На это время есть указанія и въ словѣ. Когда Зиновій сравниваетъ весну физическую съ „разумной“, то перечисляетъ разныя церковныя событія, совпавшія съ днемъ празднованія памяти святаго Никиты, то-есть, 30-мъ апрѣля

(л. 308). Это именно: сорокадневное празднованіе Воскресенія Христова, приближающееся Вознесеніе Господне, память апостола Іакова и упоминаніе о Ѳомѣ, что указываетъ на то, что 30-е апрѣля случилось на „Ѳоминую недѣлю“. Это послѣднее замѣчаніе даетъ намъ ключъ къ указанію самаго года произнесенія слова. Если мы предположимъ крайній предѣлъ, что 30-е апрѣля пало на субботу Ѳоминую недѣлю, то Пасха должна совпасть съ 17-мъ апрѣля. Между тѣмъ съ 7066 (года открытія мощей) по 7072 годъ самое крайнее число въ апрѣлѣ, на которое падала Пасха, — есть 14-е (въ 7068 году), слѣдовательно, 30-е апрѣля приходится во вторникъ послѣ недѣли женъ мирносицъ, и только уже 7073 (то-есть, 1565-й) годъ является подходящимъ подъ это указаніе: Пасха въ этомъ году была 22-го апрѣля, а празднованіе открытія мощей святаго Никиты — въ понедѣльникъ Ѳоминую недѣлю¹⁾. Итакъ, если мы не лишимъ довѣрія автора слова, то должны признать, что слово это явилось на свѣтъ и было произнесено въ седьмую годовщину открытія мощей святаго Никиты, то-есть, въ 1565 году.

Для ознакомленія читателей съ этимъ словомъ, которое еще не появлялось въ печати ни въ подлинникѣ, ни въ пересказѣ, мы изложимъ подробнѣе его содержаніе съ сохраненіемъ въ подлинномъ видѣ болѣе характерныхъ мѣстъ.

Слово Зиновія носитъ такое заглавіе: ²⁾ „О Божіей благодати бывшей чудесы, явленіемъ и прославленіемъ священнаго тѣлесе иже во святыхъ отца нашего Никиты, епископа великаго Новаграда, на память святаго и всехвальнаго апостола Іакова Зеведеова, брата святаго Іоанну Богослову, и знаменіемъ честною двою икону иже въ Ругодивѣ: преславныя Богородица и святителя Христова Николы и

¹⁾ Указанія Пасхи мы заимствовали изъ пасхальныхъ таблицъ свят. Агаеона, составленныхъ въ 1540 году, прекрасный списокъ которыхъ XVI-го вѣка хранится подъ № 1421 въ Софійской бібліотекѣ при С.-Петербургской Духовн. Академіи.

²⁾ Списки этого слова: ркп. XVII вѣка Новгор. Соф. библ., № 1356, лл. 306—364; Рум. муз. № 154, лл. 28—110; Имп. Публ. Библ. Q. XVII, № 42; Чет.-Миней Герм. Тулунова, январь, ркп. Тр.-Серг. Лавры, № 673, л. 392; сборн. XVII в. Моск. Публ. муз. № 567, лл. 91—201; сборн. XVIII в. того же музея № 2923, лл. 43—48, отрывокъ изъ слова подъ заглавіемъ: „О обретеніи мощей чудотворца Никиты, епископа Новгородскаго, изъ нѣмецкаго града Ругодива (1)“. Въ немъ приводится разказъ о взятіи Ругодива. Митрополитъ Макарій указываетъ еще на сборникъ своей библ. № 14, л. 173. Мы будемъ цитировать по списку Софійской бібліотеки съ поправками по ркп. Румянц. Музея.

¹⁾ Сборн. Рум. Муз., № 154, л. 347.

²⁾ Л. 350 = „И. П.“, 47 и 51 стр.; 311 об. — 312 = „И. П.“, 471—472 стр.; 310 об. — 311 = „И. П.“, 435, 471 стр.; л. 314 = „И. П.“, 349—350 стр.

³⁾ Лл. 317, 324, 352.

⁴⁾ „Исторія русск. церкви“, м. Макарія, VII, стр. 449.

священномуученика Власія и святыхъ безреченникъ Козмы и Даміана, на посрамленіе отступившихъ православныхъ вѣры и на обличеніе безбожныхъ ихъ ереси“.

Въ началѣ слова Зиновій, по тогдашнему обычаю, распространяется о своей неподготовленности и неспособности къ выполнению задуманнаго предпріятія и выражаетъ надежду на Божію помощь. „Великаа Божіа дѣла глаголати свѣтла языка требуютъ и якоже рещи и отъ св. Духа помазанна, изрядная же вещей повѣствовать—риторовъ есть и многовѣщательныхъ устенъ“,—такой классической по своему строю фразой начинается слово Зиновій. „Намъ же теперь предстоитъ сдѣлать и то и другое: повѣствовать о „великихъ Божіихъ дѣлахъ“ и о „изрядныхъ вещахъ“, то какъ мы можемъ исполнить это, „грубіи поселяне суще, не наученни же и медленоязычни и зѣло худогласни и ничтоже множае новгородска гласа вѣдяще... По достоинству убо лѣпо есть далече отскочити“. Но такъ какъ „удивленіе преславныхъ Божіихъ чудесъ“ какъ бы пламенемъ охватываетъ душу и не позволяетъ молчать о нихъ, а побуждаетъ и нудитъ предать ихъ „незабытней памяти“, посему „теплѣйшіе рачители Христовой благодати да не зазрятъ намъ это дерзновеніе, которое выше нашихъ силъ, и имже благостражуютъ сами, сими всяко и намъ простятъ таковаа“. Уповая на милосердіе Божіе, принявшее и двѣ лепты вдовицы „и еже не вышши силы приѣмное вѣдяще..., мало повѣщати и мы начнемъ“ (306—307 лл.).

Такъ какъ теперь православная церковь во всей вселенной празднуетъ Христово изъ мертвыхъ воскресеніе въ теченіе 40 дней, то не слѣдуетъ пройти молчаніемъ въ словѣ о св. Никитѣ и этого всемірнаго торжества, хотя „сслуженіе раба къ владыцѣ ниедино есть“. Соединеніе во едино нѣсколькихъ празднествъ Зиновій поясняетъ и какъ бы оправдываетъ подобіемъ весны, пренсполненной разными земными благами: Пусть только, говоритъ онъ, всякій припомнитъ, что нынѣ весна, „въ весну же убо стекаются краснѣйшая вся и добрѣйшая“, слѣдовательно и въ похвальному словѣ будетъ прилично соединить разные предметы духовной радости. Изобразивши картину весны физической и пробужденія природы отъ зимняго сна, онъ соотвѣтственно этому далѣе рисуеъ весну духовную, также обнаружившуюся въ разныхъ свѣтлыхъ и радостныхъ событіяхъ. „Нынѣ же и разумнаа весна въ чювственнѣй веснѣ провозсія, нынѣ вся бо лучшая и болшаа съприидоша мірови и съвозсіяша отъ Бога: Нынѣ и Спасителява смотренія еже на насъ таинство совершися, въскресе-

ніемъ Его еже изъ мертвыхъ... Нынѣ и Фомою, сумнѣтельнымъ ученикомъ, извѣстнѣйши мірови показася Господне изъ мертвыхъ воскресеніе... Нынѣ и възнесеніе Спасителяво еже отъ земля на небо къ своему родителю съприходитъ помалѣ... нынѣ и память всехвалнаго апостола Іакова ¹⁾... нынѣ прослави Господь и святителя своего... Никиту, и съвосприяти намъ священное его тѣло неистлѣвшее дарова на славу всесвятому имени своему и въ похвалу церкви святѣй своей и въ извѣстнѣйшее познаніе приснаго усвоенія святыхъ его къ нему. Нынѣ и церкви православныхъ разумною весною процвѣтѣ краснѣйши“. Этой „весной разумною“ для церкви было обличеніе ереси Феодосія Косого „съ единомысленники, обновляющихъ нѣмецкое злословіе Мартиновы ереси“. Я думаю,—замѣчаетъ Зиновій,—что для того и скрывалъ Господь честное тѣло святителя, чтобы теперь явленіемъ его и чудесами „отгнати лжу прелестниковъ и утвердити благочестивыхъ въ вѣрѣ... Мню же и вси иже добрѣ смыслящеи со мною таяже исповѣдятъ“ (лл. 307—309 об.).

Уклоняясь отъ прямой задачи слова, Зиновій затѣмъ начинается полемику съ еретиками по поводу почитанія святыхъ и ихъ мощей. Знаю я,—говоритъ онъ,—что „сзученики антихристовы“ зазрятъ намъ это воспоминаніе о Никитѣ, но и мы еще больше можемъ укорить ихъ неразуміе и дерзость, происходящія отъ „хуленія ихъ на святыхъ Божіихъ, безстуднѣ уже и на самого Христа Спаса нашего и Бога“. Свою защиту почитанія умершихъ святыхъ онъ начинаетъ указаніемъ на слова Спасителя, сказанныя саддукеямъ (Лук. 20, 37—38; Мѣ. 22, 31—32) ²⁾. Если, по слову Спасителя, всѣ мертвые живы у Бога, тѣмъ болѣе живы люди благочестивые, въ числѣ которыхъ и святой Никита. И если Спаситель сказалъ ученикамъ: „приемляй васъ, Мене приемлетъ, приемляй же Мене, приемлетъ пославшаго Мя (Мѣ. 10, 40) ³⁾, то и мы, приемля св. Никиту, приедемъ Христа, святившаго его, а во Христѣ Отца Вседержителя приедемъ Никитою“. Итакъ, всѣ, почитающіе святыхъ Христовыхъ, самого въ нихъ Владыку ихъ Христа почитаютъ. Далѣе онъ указываетъ ветхозавѣтные примѣры: Іосифа, отнесшаго кости отца своего

¹⁾ Здѣсь Зиновій подробно распространяется о всѣхъ этихъ событіяхъ, уясняетъ ихъ смыслъ и значеніе для рода человѣческаго, разказываетъ біографію, апостола Іакова.

²⁾ Ср. „Истины Показаніе“, стр. 442—443, 445; также „Многосл. посланіе“ ст. р. 235.

³⁾ Ср. „Ист. показ.“, стр. 464, 487.

въ фамильную пещеру, Моисея, носившаго 40 лѣтъ по пустынѣ кости Іосифа и не осквернивагося (вопреки заповѣди Числ. 19, 11) ¹⁾. Мы, почитая святыхъ угодниковъ и ихъ мощи, подражаемъ Іосифу и Моисею и избѣгаемъ „Езекіева тщеславія“, оскверниваго кости предковъ тѣмъ, что „прости нещевавъ я, а не святъ“, и навлекшаго гнѣвъ Божій на свое семейство и всю Іудею ²⁾. Наконецъ, законность почитанія мощей онъ подтверждаетъ указаніемъ на самый фактъ открытія нетлѣннаго тѣла св. Никиты. Этимъ фактомъ Богъ, „яко перстомъ, показуеть всѣмъ...“, что Онъ Богъ живыхъ, а не мертвыхъ. Не убо своею силою снабдѣся тѣло блаженнаго Никиты, естеству къ толикымъ лѣтомъ удовольтія николиже могущу. всѣмъ разумно есть, но Божественныя силы мановеніемъ возможе въ толико лѣтъ содолѣти тлѣнію. Такъ Богъ выну промышляетъ о нашемъ спасеніи“ (гл. 310—313).

Затѣмъ Зиновій извиняется за свое длинное предисловіе. Я хотѣлъ,—говоритъ онъ,—обличить любозаорныхъ еретиковъ и показать имъ, что поминовение усопшихъ и почитаніе ихъ не новоначатся, но совершаются по примѣру еще ветхозавѣтныхъ праведниковъ и по заповѣди апостольской (Дѣян. 8, 2, о Стефанѣ) и святыхъ отецъ Діонисія Ареопагита, Великаго Василия, Богословнаго Григорія и Златоустаго Іоанна. Если же и у другихъ отецъ сказано объ этомъ, „обаче въ нашей земли сіа ихъ точію вѣдомы священныя книги ³⁾... Сего ради удолжихомъ бесѣду, да и вы любезно пріимете о святѣмъ благочестивати и оклеветающіи же насъ о благочестіи, иже въ суетловіе и въ ереси погибельныя развратившіся и ненавидящіи насъ да постыдятся, не имуще что на ны глаголати, утверженомъ сущимъ намъ свѣдетельствы чистаго писанія, и оніи рущъ на устну свою да положить“, то-есть, Косой съ его единомысленниками (313 об.—314 об.).

Далѣе Зиновій начинаетъ самый разказъ объ открытіи мощей, предваряя его сравненіемъ. Мощи св. Никиты явлены были не сразу. „Но якоже солнцу восходити хотящу помалу заря предваряетъ его, таже помалу приложеніе свѣта бываетъ, и тако солнце возсіавъ, всюду луча распростирая, просвѣщаетъ яснѣйши. Сиче Творцу восхотѣвшу, да не напраснымъ (то-есть, внезапнымъ) восшествіемъ абіе луча своя возсіавъ, очесемъ нашимъ принадъ, опечалитъ зрящихъ, тму и болѣзнь

¹⁾ Ср. „Ист. показ.“, стр. 471, 435.

²⁾ Ср. „Ист. показ.“, стр. 471—472, сходство по мысли, доходящее до тождества выражений; см. также „Многосл. посл.“, стр. 237—238.

³⁾ Ср. „Ист. показ.“, 349—350, и „Многосл. посл.“, 29—30.

нанесе пачѣ, нежели свѣтлость; егда же отъ малыя заря приложенію свѣта помалу очесемъ нашимъ обыкшимъ и возблиставшимъ лучамъ, солнечнымъ удобно сіаніа насладятся“. Такъ же постепенно совершалось и явленіе мощей св. Никиты.

Въ пасхальную ночь 7059 года (то-есть, 1551 г.) по обычаю происходило въ Великой церкви (то-есть, Софійскомъ соборѣ) чтеніе Дѣяній, куда собирались „бдѣти людие града“. Начальникъ области Новгородской пришелъ также въ церковь и обходилъ паперть, гдѣ были гробницы епископовъ. Вошелъ онъ и въ придѣлъ Іоакима и Анны и увидѣлъ здѣсь гробъ св. Никиты „въ великомъ небреженіи“, и чтець церковный спалъ; опершись на гробницу. Начальникъ вышелъ оттуда и сѣлъ близъ алтаря въ главной церкви, слушая чтеніе и раздумывая о заброшенномъ гробѣ святителя. Одолѣла его понемногу дремота, и слышитъ онъ внезапно голосъ: „подобаетъ покровенну быти гробу епископа Никиты“. Начальникъ проснулся, вскинулъ глазами, но никого не увидѣлъ. Принявъ этотъ голосъ за Божіе внушеніе, онъ тотчасъ же отправился домой и велѣлъ приготовить поскорѣе покровъ на гробницу Никиты, затѣмъ велѣлъ очистить гробницу отъ пыли и „постороннихъ вещей“ и тогда же покрылъ ее этимъ покровомъ. Зиновій, какъ бы въ оправданіе такого милостиваго вниманія со стороны Бога къ этому мужу, замѣчаетъ, что онъ происходилъ „отъ благочестиваго корене“, и объ его собственномъ благочестіи свидѣтельствовали разныя пожертвованія на церковное благолѣпіе. Затѣмъ онъ даетъ иное, болѣе глубокое и отдаленное объясненіе словъ, слышанныхъ имъ во снѣ. По его мнѣнію, этими словами было „прознаменовано Божественное смотрѣніе о гробѣ св. Никиты, яко подобаетъ снабдѣтися ему хранительною Божіею силою, еже есть покровену, яко невредиму быти Божественнымъ мановеніемъ отъ истлѣнія и яко подобаетъ ему утаену быти до пронареченнаго времени... егда потреба подобна будетъ таковыа ползы мірови произнести“ (то-есть, оныя указываетъ на цѣль обличенія ереси). Впрочемъ, скромно замѣчаетъ онъ, „аще инъ есть кій разумъ сему, мы множае глаголати о семъ не можемъ, и могій глаголати да глаголетъ“... (315—317).

Указанный сановникъ между тѣмъ страстно хотѣлъ увидѣть и самое тѣло Никиты, но такъ какъ тогда не было въ городѣ архіепископа Θεодосія ¹⁾, то законнымъ путемъ этого сдѣлать было нельзя. Между

¹⁾ Онъ былъ на Стоглавомъ соборѣ, а съ 14 іюня 1551 г. по 20 октября 1552 года архіепископомъ былъ Серапіонъ Курцовъ.

тѣмъ желаніе его не покидало, а напротивъ усиливалось, и вотъ однажды, придя въ церковь, онъ прокопалъ щель въ гробѣ и съ зажженной свѣчей посмотрѣлъ въ гробъ: тѣло святителя онъ увидѣлъ нетлѣннымъ, „яко цѣло всѣми уди и разрушенію знаменіе неедино подѣваше“. Вскорѣ объ этой „скважинѣ“ узналъ народъ, и многіе начали заглядывать въ гробъ, и всѣ видѣли тѣло Никиты цѣлымъ и какъ бы лежащимъ на помостѣ церковномъ. Молва объ открытыхъ мощахъ дошла до архіепископа Пимена ¹⁾, который своими глазами удостовѣрился въ правдивости слуха. Онъ отписалъ объ этомъ митрополиту Макарію и царю Ивану Васильевичу. Изъ Москвы было получено повелѣніе открыть мощи. Архіепископъ съ избраннымъ духовенствомъ пришелъ въ церковь Іоакима и Анны, велѣлъ прежде всего снять „олтарную преграду“, которая проходила по срединѣ гроба; и затѣмъ велѣлъ поднять съ гробницы камень. И вотъ „чудо быше зримое всякому очеси преславно: четырста и пятьдесятъ лѣтъ преидоша и еще къ симъ мало мѣсяць, отнелѣже тѣло блаженнаго Никиты во гробѣ затворено быше, нерушимо весма и цѣло предлежаше покровено плащаницею; лице же святому сквозь прахъ яко цвѣтъ блѣщася“. При этомъ тѣло оказалось не на помостѣ лежащимъ, какъ это видѣли черезъ скважину, а на два локтя ниже, въ глубину земли (317—319). Всѣ предстоящіе исполнились страха и ужаса, и въ то же время всѣхъ объяла великая радость, и самъ „боголюбивый архіерей... отъ радости слезы испуцаше“. Онъ излилъ свою радость въ восторженныхъ словахъ, которыя, конечно, принадлежатъ Зиновію. „Откуда тебѣ, о великій Новъградѣ, таково сокровище снискася?—говорилъ онъ,—кто же положи и въ тебѣ, добрый нынѣ въ градѣхъ, премногое сіе богатство?“ и т. д. Въ этой рѣчи авторъ распространяется о чудесности самаго событія — сохраненія нетлѣннымъ тѣла святителя, и въ риторическихъ выраженіяхъ указываетъ цѣль явленія мощей. Послѣ этого архіепископъ оцупалъ все тѣло и напелъ цѣлыми всѣ члены; затѣмъ было совершенно благодарственное молебствіе Господу, и архіерей произнесъ новое пышное слово предъ мощами, обращаясь къ Никитѣ, какъ къ живому. Между прочимъ, онъ приглашаетъ его придти и „сохранить стадо свое отъ волковъ, похищающихъ е, иже лицемѣрящихся точію овчею кожею, помногу же губящихъ Христово стадо... и утвердити христоименитыя сіи люди—твое стадо пребывать непоколебимо въ православной вѣрѣ, ... не прельща-

¹⁾ Поставленъ 20 ноября 1552 года, а приѣхалъ въ Новгородъ 6 декабря.

тися еретически прелестными шептанми“.... Далѣе просить благъ духовныхъ и матеріальныхъ — единомыслія и мира церкви и изобилія плодовъ земныхъ (320—324).

Тѣло св. Никиты было облечено въ новыя святительскія одежды, хотя и бывшія на немъ не истлѣли, и было положено на особо приготовленный одрѣ по срединѣ Великой церкви, послѣ чего совершено было всеобщее бдѣніе. Со всѣми людьми, — говоритъ Зиновій, — и самая церковь исполнилась радости „и вѣщи, яко усты вопіяше“. Онъ сочиняетъ рѣчь отъ лица церкви, въ которой приглашаетъ всѣхъ приходивъ къ цѣльбоносному источнику за исцѣленіемъ души и тѣла. „Точію вѣру многу приноси отъ паляща сердца и горяща душа... а безъ вѣры вся праздна суть..., вѣрующій по молитвѣ все можетъ получить. Аще же съ сумнѣніемъ кый кто приходиши и аще двоимъ сердцемъ приходиши, или съ маловѣріемъ, или искушаеши, или единъ съ отъ безвѣрныхъ, — отступи и далече отъиди, ничтоже бо примеша ниже пользуети ся како, но яже въ сердца своемъ носиши лукавство и лєсть, съ сими точію и отъидеши“... (324 об.—326 об.).

Всенощное бдѣніе не обошлось безъ чудесныхъ явленій. Когда, по обычаю, всѣ служащіе сѣли для слушанія чтенія, одинъ игуменъ небольшого монастыря вздремнулъ и видитъ, будто св. Никита всталъ съ одра и обходитъ всю церковь съ кадиломъ. Зиновій объясняетъ это видѣніе въ томъ смыслѣ, что прославленіе святителя было ему угодно, и что онъ имѣетъ дерзновеніе предстательствовать за людей предъ Богомъ. Далѣе разказывается о томъ, какъ народъ прикладывался къ мощамъ, о положеніи ихъ въ раку противъ амвона на то время, пока будетъ расширена церковь свв. Іоакима и Анны, гдѣ предполагалось положить ихъ навсегда (327—328 об.).

Это расширеніе придѣла совершилось не безъ указанія Промысла Божія. Перестройка поручена была тому же начальнику, который былъ первымъ виновникомъ открытія мощей. Когда архіепископъ совѣтовался съ людьми, знающими о размѣрахъ будущей церкви, то между совѣтниками вышло разногласіе, и всѣ разошлись, ничего не рѣшивъ. Начальникъ печальный ушелъ къ себѣ домой и прилегъ во всей одеждѣ на лавку. Онъ скоро заснулъ и увидѣлъ себя во снѣ на томъ же мѣстѣ, откуда только что пришелъ. И вотъ онъ видитъ, что изъ правыхъ церковныхъ дверей выходитъ сонмъ мужей въ священныхъ одеждахъ; лицъ же ихъ нельзя было рассмотреть по причинѣ ихъ быстрого движенія. Они стали въ кругъ, „сташа обаче не молчащима ногами“, изъ среды ихъ вышелъ одинъ, „весь сѣдиною

украшенъ“, и жезломъ провелъ черту по землѣ, показывая тѣмъ разиры будущей церкви. Послѣ этого всѣ возвратились тѣмъ же путемъ назадъ въ церковь. Начальникъ доложилъ о видѣніи архіепископу, и тотъ понялъ, что сонъ этотъ былъ не спроста, „не убо же и время тогда спанію, день бо отъ утра бѣаше“. Онъ велѣлъ ему строить по чертѣ, показанной во снѣ. Начали копать ровъ для фундамента и во время копанія нашли гробъ изъ шести каменныхъ досокъ съ крестомъ на верху. Когда въ присутствіи архіепископа его открыли, то увидѣли въ немъ мощи съ святительскимъ омофоромъ. Ихъ внесли въ притворъ церковный; затѣмъ справились въ записяхъ и предположили, что мощи эти принадлежатъ епископу Лукѣ¹⁾, второму епископу новгородскому. Тогда всѣ поняли, къ чему было начальнику разказанное видѣніе, и что старецъ, проведшій черту по землѣ, былъ самъ еп. Лука (328 об.—330 об.).

Зиновій затѣмъ вознамѣрился пересказать чудеса Никиты и дѣлаетъ переходъ къ этому огромнымъ риторическимъ разсужденіемъ. Онъ опять вспоминаетъ весну, проводитъ новую параллель между ею и современными событіями и приглашаетъ возвратиться „въ великую церковь, откуда вышли для обозрѣнія мѣста строящейся церкви, въ нейже и присѣдимъ мало источнику Божіа благодати“... Описание чудесъ онъ предваряетъ двумя разказами о томъ, какъ лица, не вѣровавшія въ нетлѣніе мощей св. Никиты, наглядно были разубѣждены въ этомъ. Одинъ князь, епархъ новгородскій, стоя при рактѣ, усомнился, чтобы тѣло святаго оставалось нетлѣннымъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, и подумалъ, что покровы прикрываютъ „разрушеніе мощей“. Архіепископъ, угадавъ его сомнѣніе, спросилъ его, „аще не вѣруеть неразрушеннымъ быти мощемъ святителя“. Князь не сознался, но замедленіе въ отвѣтѣ свидѣтельствовало объ его сомнѣніи. Тогда архіепископъ поднялъ покровъ съ головы Никиты „даже до персей“ и показалъ князю. „Видѣвъ убо князь св. Никиты наго лице здраво, яко спяща мужа, а не мертва, много зарѣвъ своему невѣрованію и прошаше отъ архіереа о семъ прощеніа“.

Сомнѣніе въ нетлѣніи мощей обнаружилось и среди лицъ, „олтарю соображающихся“, то-есть, священниковъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія мощей, въ ту же пятидесятницу пришли къ ар-

¹⁾ Лука Жидята хиротонисанъ 1034—1036, † 15 окт. 1060 г. (по указанію „Списк. іерарх.“ Стросова).

хіепископу нѣсколько „поповъ“, прося разсѣять ихъ сомнѣніе. Архіерей, укоривъ ихъ за невѣріе, наложилъ сначала на нихъ недѣльную епитимію самоиспытанія („внимати себѣ повелѣвъ“), по выполненіи которой онъ повелъ ихъ къ рактѣ и открылъ покровъ, затѣмъ, положивъ руку подъ голову святаго, приподнялъ все тѣло. „Удивившеса убо попове чудеси и благословляху Бога, показавшаго преславнаа очесемъ ихъ“, и просили дозволенія у архіепископа ежегодно въ этотъ день („пятокъ вторыя недѣли по всѣхъ святыхъ“) соборне совершать молебствіе при рактѣ, что и было дозволено (330 об.—333 об.).

Далѣе описываются чудеса святаго, числомъ 11 (333 об.—337 об.). Св. Никита даровалъ здравіе двумъ разслабленнымъ, возвратилъ зрѣніе четыремъ женщинамъ, отверзъ очи слѣпороджденной дѣвицѣ, исцѣлилъ сухорукую женщину, двухъ бѣсноватыхъ и избавилъ одну женщину отъ безумнаго сына. Всѣ эти чудеса указаны и въ словѣ Іоасафа, но, конечно, изъ этого еще нельзя дѣлать заключенія, что Зиновій сдѣлалъ у того заимствованіе. Чудесамъ этимъ, какъ было вездѣ, несомнѣнно, велась запись, и тотъ и другой авторъ, независимо другъ отъ друга, могли заимствовать изъ нея. При томъ у Зиновія всѣ разказы о чудесахъ отличаются своеобразнымъ характеромъ. Онъ обставляетъ всякое чудо напыщенной торжественностью и многословными подробностями. Больные у него говорятъ длинныя воззванія къ святому, слезы испускають „цѣлыми рѣками или потоками, отъ палача сердца“, по полученіи исцѣленія возсылаются громкая хвала Богу и чудотворцу всѣми присутствующими.

Для примѣра приведемъ здѣсь два-три „чуда“. Черезъ день послѣ поставленія мощей св. Никиты въ Великой церкви принесли къ его рактѣ разслабленнаго. „Той убо разслабленный горячею вѣрою отъ палача сердца болѣзны слезы проливаше и плачевное въ молитвѣ вопіаше: „помилуй мя, глаголю, святче Божій, помилуй мя и милостивень окаянному буди; помилуй мя лютою сею страстію съдержима, въ живыхъ убо мертвецѣ бывша мя, яко не движашася и всего ослаблена, въ мертвецѣхъ же страннѣ жива, яко ядуща и пшюща, убо не погребенъ мертвецъ есмь прочее и умиленъ позоръ живымъ предлежа, ибо и ближнія мои удаляхуся отъ меня и искреннимъ моимъ тяжекъ есмь недуга сего ради, и отъ служащихъ досады яко остна пободаемъ есмь. Убо помилуй мя, милостиваго Бога благый и добрый служителю!“—Молитва его была услышана, и онъ всталъ здоровымъ, „и вмѣсто плачевныхъ радостнѣ молитву возопи

греческимъ гласомъ «кириелеисо», то же воскликнули и всѣ присутствовавшіе при этомъ. Вообще у Зиновія при многихъ чудесахъ раздавалось это греческое восклицаніе. Къ этому чуду онъ дѣлаетъ поучительное добавленіе. Врачебная помощь оказывается безсильной при болѣзняхъ расслабленія, никакой врачъ не можетъ вылечить расслабленнаго; восстановленіе расслабленныхъ возможно только силою Божіею, какую онъ даетъ своимъ угодникамъ. „Мню убо, яко сего ради приведе Богъ въ первыхъ сему великому чудеси быти отъ тѣлесе святителя, да не рекутъ безбожнаа еретическаа уста, яко ничтоже веліе сотворено есть, еже и врачеве творять, сего ради невозможнаа отъ человекъ страсть врачеватися святымъ сіа въ началѣ цѣлбамъ исцѣлевается“ (333 об.—335).

Такой же комментарий дѣлаетъ Зиновій при разказѣ объ исцѣленіи слѣпорожденной, замѣчая, что такое чудо, „паче естества бываемое, не бываетъ подражаемо отъ сопротивныа силы“ (337).

Интересенъ разказъ объ исцѣленіи одной слѣпой старушки, 12 лѣтъ лишенной зрѣнія; у Иоасафа она названа Ксеніей. Съ обильными и горячими слезами молилась она долго предъ ракой святителя и „прозрѣ единымъ окомъ“. „Ощутивъ старица благодать, возглашаше молитву ону „кириелеисо“. совозглашашу ей также и народъ“. Но она не удовлетворилась однимъ прозрѣвшимъ глазомъ, и вотъ она припадаетъ къ архіепископу съ плачемъ о своемъ горѣ. Тотъ утѣшалъ ее, говоря: „довлѣтися и единымъ окомъ благодарящи сятаго“. Но старушка не успокоилась, тогда архіепископъ посылаетъ ее снова къ ракѣ. „Она же возвращишиа къ рацѣ сятаго, припадше плачущиа, моляше святителя Никиту, слезы непрестанно точащи; тогда прозрѣ и другое око ея“. Снова она воскликнула вмѣстѣ съ народомъ „кириелеисо“ (335).

Приведемъ разказъ еще объ одномъ чудѣ, которое обратило вниманіе и самого Зиновія. Если всѣ другія чудеса взяты имъ изъ первыхъ по порядку, то это послѣднее взято изъ конца, очевидно, какъ выдающееся изъ другихъ. У одной женщины былъ идиотъ-сынъ, который составлялъ несчастіе ея жизни, „отринуты убо породѣ свой естеству не попускающу, въ сожитіи же нечовѣст्वіе тяжести подъяти немогущи“. Насмѣшки и издѣвательства сосѣдей переполняли чашу ея страданій. Она, придя въ церковь, молилась о томъ, чтобы святитель даровалъ разумъ ея сыну, но когда долго не получила удовлетворенія своей просьбы, то „на ину молитву обратися отъ горести сердечныхъ болѣзней“: она стала просить смерти своему

сыну. На другое утро по возвращеніи домой сынъ ея захворалъ и вскорѣ умеръ. „И свободися мати его многихъ страстей иже о немъ по прощенію ея къ святому“, — заключаетъ Зиновій (336 об.—337).

Думаю, — говоритъ Зиновій въ заключеніе, — что „для утѣшенія слушателей“ довольно и этихъ не многихъ чудесъ, „болшая же чудотворенія его во иноми списана“ (указывая этимъ или на церковную запись чудесъ или на слово Иоасафа).

Затѣмъ Зиновій разказываетъ о помѣщеніи раки св. Никиты на прежнемъ мѣстѣ въ церкви Иоакима и Анны, когда эта церковь была расширена. И тамъ „безпрестанно исцеленія точахуся, не точию же у священнаго тѣлесе его чудодѣйствоваше Никита, но и на всякомъ мѣстѣ во всякомъ обстоянн, всѣмъ призывающимъ его съ вѣрою, предстоя и помогая спасаетъ“. По этому поводу онъ напоминаетъ восклицаніе ап. Павла: „О, глубина богатства“ и пр. (338).

Въ этомъ же отдѣлѣ о чудесахъ св. Никиты Зиновій передаетъ чудесныя событія, происшедшія во время Ливонской войны, и главнымъ образомъ при взятіи города Ругодива (нынѣ Нарвы) ¹⁾ (338 об.—343 об.).

Въ то время, когда происходило поднятiе мощей св. Никиты, ливоняне, Мартиновы ученики, держали стражу въ городѣ Ругодивѣ. „Нѣмчину же нѣкоему въ градѣ пиво варящу, обрѣтоша ливоняне въ дому инаго нѣмчина двѣ децѣ“: на одной написанъ образъ Богоматери съ младенцемъ, а на другой — св. Николай, Владисій и безсребреники Козма и Даміанъ. Надсмѣявшись надъ иконами въ такихъ выраженіяхъ: „се русское поможеніе и заступленіе, да помогутъ себѣ сами“, они бросили ихъ въ огонь подъ котель. Но вотъ пламень усиливается, разливается окрестъ и охватываетъ ближайшія

¹⁾ Въ лѣтописи мы читаемъ объ этомъ слѣдующее: „Въ лѣто 7066... Того же лѣта Божіимъ гнѣвомъ загорѣся городъ нѣмцей Ругодивъ, мѣсяца маія въ 11 день, а сказывають отъ того: варить чюдинъ пиво, да образъ чюдотворца Николы тотъ чюдинъ подъ котель подвинулъ, и отъ того пламень шибся, и весь городъ выгорѣлъ, а образъ сободеся цѣлъ; и наши воеводы съ Иваня-города Алексій Басмановъ съ товарищи видѣвъ ту ихъ погибель Божіимъ гнѣвомъ и вскорѣ перешли рѣку Нарову и приступивъ взяли городъ, а нѣмецъ отпустиша и чюдъ изъ града, и туто же въ городѣ нашли пречистыи Богородица образъ одигитрія пядницу и Николинъ образъ въ пепелу цѣлы... (1 Псков. лѣт.—П. С. Р. Л., IV, стр. 310; ср. съ этимъ лѣт. по Никои. сл., т. VII, подъ тѣмъ же годомъ; разказъ объ этомъ занесенъ и на страници „Сказаній“ кн. Курбскаго въ главѣ объ Ливонской войнѣ). У Зиновія, какъ увидимъ, больше подробностей и чудесныхъ событій.

строения. Начался пожаръ. Огонь „протичеть абие градъ Ругодивъ съ зѣлною скоростію..., разсынаеть полаты, разоряеть дѣла, сметъ жесь и стѣны задѣи и врата граду сожигаетъ, отверзаетъ ихъ абие, путь и входъ русіемъ подавая, укореннымъ отъ нихъ“. Гарнизонъ русскій, сидѣвшій на другой сторонѣ рѣки Наровы въ Иванъ-городѣ¹⁾, увидѣвъ пожаръ въ Ругодивѣ, бросился вплавь черезъ рѣку... Воины плыли на чемъ случилось: на лодкахъ, на бревнахъ и доскахъ, а то и просто нагіе „съ руками тоцію пловыху“. Божія помощь, какъ древлѣ Израилю при переходѣ Иордана, помогла и русскимъ. „Аще и не раздѣлися Нарова на сухо по Иордану, переходящемъ иванеградцемъ, но обаче мало не точно Иордану чудодѣйствовався и Нарова инымъ образомъ“. Рѣка измѣнила свое теченіе по направленію къ Ругодиву и тѣмъ содѣйствовала плывущимъ воинамъ. Русскіе безъ кровопролитія и труда скоро овладѣли городомъ, а ливонцы съ княземъ своимъ убѣжали въ Вышгородъ. Но здѣсь случилось новое „чудесемъ чудо“. Когда русскіе узнали о причинѣ пожара, они отыскивали костѣрь пивовара, разгребли пепель и... въ немъ невредимыя иконы! „Сіе чудо равно иже о трехъ отрощехъ чудеси (и Зиновій въ другой разъ распространяется на эту тему). Пламень, пожгій градъ весь (а плинфодѣланенъ бѣаше), двою же дску древяну коснутіся таковый огонь никако же возможе. И ниже отъ тверда древа или непрахнѣюща истесаны дски бѣша, но отъ всѣхъ древесъ слабѣйшаго древа... и удобно скорости прилпнутію огненому паче иныхъ древесъ: отъ липы бо дсцѣ оны истесаны бѣаху... не убо же шаровная крѣпость спасе отъ огня дски сіа, но первообразное свой образъ спасе“, то-есть, изображенные на иконахъ Богоматерь и святые²⁾.

¹⁾ Вотъ что записано въ 4 Новг. лѣт. подъ 7000 годомъ: „тоже же весны по-велѣніемъ великаго князя Ивана Васильевича заложиша градъ камень на нѣмецкомъ рубежи противъ Ругодива, города нѣмецкаго, на рѣцѣ на Наровѣ, на Дивичьи горѣ, на Слудѣ, четвероуголень; и нарече имя ему *Иванъ-городъ* въ своемъ“ (П. С. Р. Л., IV, стр. 161).

²⁾ Эти иконы въ іюлѣ были перенесены въ Новгородъ, а затѣмъ въ Москву. Вотъ что читаемъ объ этомъ въ лѣтописяхъ. „А по тѣмъ образъ чудотворныя царь и великій князь велѣлъ... архіепископу Пимену послати изъ Новгорода крѣвскаго арх. Варесоломея, да протопопа съ діакономъ, а изъ Пскова печерскаго игумена Корнилія, да св. Троицы протопопа Иларіона, да протодьякона Ивана въ Ругодиво: и по егѣ государеву наказу около градовъ Иванягорода и Ругодива со кресты ходили, и молебны пѣли, и церкви свящати, и за тѣми образы и до Новгорода послѣдовали [мѣсяца іюля въ 23 въ субботу, привезъ изъ

Когда узналъ о взятіи Ругодива царь Иванъ Васильевичъ, онъ дослалъ туда воеводу, который взялъ и Вышгородъ и построилъ храмы въ Ругодивѣ. Послано было новое большое воинство на ливонянъ, и русскіе отняли у нихъ много городовъ¹⁾, конечно, не безъ содѣйствія свыше, потому что до этого всѣ походы ихъ были неудачны: они ограничивались только разграбленіемъ беззащитныхъ селеній. При этомъ Зиновій отмѣчаетъ то обстоятельство, что пока тѣло св. Никиты стояло въ Великой церкви, тогда солдаты русскіе „несытнымъ подвиженіемъ и не томленны“ дѣлали успѣхи въ непріятельской странѣ, „по положеніи же честнаго тѣлесе въ церкви Іоакима и Анны воины въ подвигахъ и трудъ ошущати пріяша, и яко отъ пресыщенія ослабѣвши, къ домоу грядуще отхожаху“. Это напоминаетъ Зиновію аналогичный случай побѣды евреевъ надъ амаликитянами, когда Моисей на горѣ держалъ кверху свои руки.

Разказавъ о столькихъ чудесныхъ событіяхъ, случившихся въ короткое время, Зиновій кратко повторяетъ ихъ снова, отмѣчая ихъ сверхъестественную чудесность, и замѣчаетъ, должно быть, по адресу современныхъ скептиковъ: „Аще кто и зазираеть намъ о семъ и дерзость именованіе сіе написовати намъ хоцетъ, мы же, яко грубїи поселяне суще и ненавыченію простыня просити не лѣнимся, а яже глаголемъ убо и наки глаголемъ и глаголати не престаемъ, яко чудна дѣла Божіа дивна въ правду“.

Затѣмъ онъ снова указываетъ на премудрое предопредѣленіе Божіе, обнаружившееся въ явленіи тѣла св. Никиты „въ самое то потребы время, въ неже врази креста Христова брови възводити начаша... и егда безбожный Косой со единомысленными своими изъ лукавья душа своея смертоносный ядъ ереси изблевати начать, и

Ругодива изъ нѣмецкаго города арх. Юрьева монаст. иконы: Пречисты образъ Одигитріе ядница на золотѣ, да Николинъ образъ, Владсей святый, святый Козма и Демянъ, росписные на краскѣ; и встрѣчалъ ихъ арх. Пиминъ со всѣмъ соборомъ, со множествомъ народа, и внесоша иконы въ церковь св. Софію и положени быша на налои. Да того же мѣсяца іюля 26 во вторникъ, поѣхалъ арх. Юрьевскій къ Москвѣ, повезъ иконы тѣ, кои привезли изъ Ругодива, да игумень Благовѣщенскаго монастыря Трифонъ, а повезъ шапку Іоанна Златоуста, да ризы Никиты чудотворца, епископа новгородскаго, къ царю государю вел. князю], а на Москвѣ царь и митрополитъ со всѣмъ свящ. соборомъ и съ бояры и всенародное множество такоже стрѣчали за градомъ“ (1 Псковск. лѣт.—П. С. Р. Л., IV, 310; въ скобкахъ изъ 2 Новг. лѣт.—П. С. Р. Л., III, 159).

¹⁾ „Лѣта 7066 взято 18 нѣмецкихъ городовъ“: 2 Новгор. лѣт., ср. Сказанія жв. Курбскаго.

многимъ уже душа уязви шептаніемъ своимъ, напоивъ сихъ безбожною ересію отъ Христа и Бога отпасти симъ сотвори и вѣчному геонскому огню сихъ сыны сотвори“ (346—347 об.).

Далѣе Зиновій передаетъ самое ученіе Косого и дѣлаетъ оговорку, чтобы его не упоряли за упоминаніе о нечестивомъ еретикѣ, когда предметомъ рѣчи служатъ великія Божія дѣла. И пусть никто не дивится „схоженію Божію“ для обличенія и посярмленія одного человѣка. Примѣры этого видимъ и въ древности. Ради одного Авеля Богъ бесѣдовалъ съ недостойнымъ Каиномъ; ради Іакова являлся во снѣ идолослужителю Лавану; встрѣтилъ Валаама ради сыновъ Израилевыхъ. „И многа такова священныя книги сказуютъ же на человѣкохъ многое премилостивное его милосердіе“. (Подтверждаетъ это словами апост. Павла—1 Тим., 1, 15, и I. Христа—Мк. 9, 13; Мр. 2, 17; Лук. 5, 32). Принимая во вниманіе все это, нѣтъ ничего удивительнаго и страшнаго въ томъ, что и нынѣ Богъ, „безчисленнымъ человѣколюбіемъ самодвижимъ“, принявъ мѣры къ обличенію Косого, который многихъ прельстилъ своей ересью и привелъ къ гибели. „Отъ нихъ же и единъ кто еще и убогъ будетъ, обаче честное Божіе зданіе, еще и нищъ, но образъ есть Божій и св. крещеніемъ во Христа облеченъ, за негоже... (Христосъ) всечестную кровь свою изліа“, и ему обѣщано царствіе небесное.

Кромѣ собственнаго разказа о чудесахъ еп. Никиты, онъ ссылается на устные разказы объ его помощи воиновъ, возвратившихся съ Ливонской войны, и заключаетъ: „по таковыхъ же и толицѣхъ божественныхъ благодатныхъ чудесѣхъ“ ни въ комъ не должно остаться ни зерна сомнѣнія и невѣрія въ благодатной помощи умершихъ святыхъ. Отъ невѣрующихъ же еретиковъ онъ велитъ отдаляться (по слову апостола—Тит. 3, 10—11) и не должно даже молиться о нихъ (1 Иоан. 5. 16—17) (348—351).

Конецъ слова посвященъ біографическимъ свѣдѣніямъ о Никитѣ. Здѣсь Зиновій снова распространяется о своемъ ничтожествѣ и недостойнствѣ и указываетъ цѣль своего повѣствованія въ томъ, „да негли всѣмъ сквернословцемъ, паче неже празднословцемъ и еретикомъ, отоймемъ всяку вину глаголати имъ въ лукавствѣ ихъ хулы на неподобнаго Божія“ и не позволимъ имъ обращать въ свою пользу словъ Никона Черногорца о ложныхъ знаменіяхъ (Рѣчь о 43-й главѣ Пандекты Никона, на которую любилъ ссылаться еретики, л. 351 об.—352). Приступая къ біографіи Никиты, онъ прежде всего отмѣчаетъ отсутствіе извѣстій о мѣстѣ его происхожденія и о родителяхъ;

прежній біографъ умолчалъ объ этомъ¹⁾. Но вмѣсто простаго и естественнаго незнанія объ этомъ біографъ Зиновій предполагаетъ другія, отдаленныя причины умолчанія его: можетъ быть, біографъ считалъ излишними эти подробности для „гражданина вышняго Сіона“, а, можетъ быть, также онъ не желалъ утомлять вниманіе слушателей этими сообщеніями. Затѣмъ, ссылаясь на извѣстіе Поликарпа (у него ошибочно названъ еп. Симонъ, который былъ авторомъ только первой части сказаній о печерскихъ святыхъ), говоритъ о его иноческихъ подвигахъ въ Печерскомъ монастырѣ и особенно долго (въ риторическихъ фразахъ) останавливается на фактѣ постриженія Никиты, отмѣчая этимъ особенную ревность его къ спасенію своей души. Изобразивъ разнообразныя душевныя и тѣлесныя подвиги, соединенныя съ иноческимъ званіемъ, онъ говоритъ: „сія и таковыя чернеческыя труды вся, вѣруется, Никитѣ въ монастыри проходить, покоренію предваршу въ послушаніи еже къ игумену и къ учителю своему“ (352—354).

Далѣе разказывается о желаніи Никиты отдаться подвигу безмолвія и соединенной съ нимъ единоличной борьбѣ съ бѣсами и своею плотію. При этомъ, въ видахъ оправданія святаго, Зиновій относится отрицательно къ извѣстію Поликарпа о томъ, что Никита изъ тщеславія захотѣлъ пойти въ затворъ на подвигъ безмолвія, чтобы чрезъ то удостоиться дара чудотвореній. Онъ подвергаетъ этотъ разказъ критическому разбору и указываетъ въ немъ внутреннія несообразности. Прежде всего Зиновій старается выяснитъ, изъ какихъ источниковъ и какимъ образомъ могло явиться такое странное извѣстіе. Онъ предполагаетъ, что или Поликарпъ передаетъ здѣсь простой слухъ со словъ другихъ, имъ не повѣренный и потому мало вѣроятный, или же вслѣдствіе поспѣшности изложенія онъ помѣстилъ въ началѣ разказа то, что случилось съ Никитой въ концѣ затвора, то-есть, послѣ того, какъ онъ поддакъ вліянію демона; а то, можетъ быть, даже Акиндицъ, „по мнѣнію ему разумнѣю“, вписалъ это извѣстіе въ посланіе къ нему Поликарпа. Во всякомъ случаѣ это извѣстіе Зиновій признаетъ невѣроятнымъ и несообразнымъ съ обстоятельствами. Если, какъ передаетъ извѣстіе, Никита до затвора еще впалъ въ грѣхъ тщеславія и гордости, самый ненавистный Богу грѣхъ, то дьяволу съ нимъ нечего уже было дѣлать: онъ уже принадлежалъ ему. „И посему подъ рукою своею имѣа постника отпадна

¹⁾ Здѣсь Зиновій игнорируетъ Іоасафа, въ словѣ котораго прямо читаемъ: „сей блаженный духовосный отецъ Никита рожденіе имѣаше во градѣ Кіевѣ“. Не извѣстно, откуда взялъ это извѣстіе Іоасафъ.

отъ Бога, время поивати лукавому и не ратовати (сего) самому пошнику погрѣзившу себе въ пропасть горлостныя погубенія и востанія не могущу получитьи ему“ (354 об.—355). Далѣе Зиновій разказываетъ о томъ, какъ и въ какихъ выраженіяхъ просилъ Никита у игумена позволенія на безмолвный подвигъ, какъ тотъ его отговаривалъ и наконецъ уступилъ усиленнымъ просьбамъ. Совершенно игнорируя подвергнутое имъ сомнѣнію извѣстіе, онъ рѣшительно заявляетъ: „о подвигахъ пощенія его и прочихъ тѣлесныхъ дѣланіихъ благочестивыхъ, яже въ безмолвіи трудникъ творяше, излише ми есть глаголати, разумно же о семъ, яко не туне въ зависть подвижеся лукавый бѣсъ къ нему, ибо на дѣйствія не воюють врази наша, но ратующихъ я ратуютъ крѣпщѣ“... и особенно бѣсы усиливаютъ свои нападенія на новоначальныхъ и не закаленныхъ еще подвижниковъ („якоже праведныхъ словеса вѣщааша“, 355 об.—356 об.). Но тактика бѣса по отношенію къ Никитѣ не походила на обычныя искушенія, не на плотскія страсти его онъ дѣйствуетъ, какъ обыкновенно, потому что Никита преодолѣлъ уже ихъ, а направилъ удары на порокъ душевный. Онъ подмѣтилъ въ подвижникѣ его сокровенныя мысли, направленныя „къ созерцанію вышнихъ добротъ“, и, преобразившись въ ангела свѣтла и лицемѣрно участвуя съ нимъ въ молитвѣ, понемногу „увѣщеиваетъ его обѣты матере добродѣтели оставити молитву, прилежати же точію книжному чтенію, яко и поучати люди, приходяща къ нему... и сведе ума отъ вышнихъ зрѣнія, преклони къ своей лсти“... Такимъ образомъ онъ возбуждаетъ въ Никитѣ, съ одной стороны, тщеславіе, а съ другой—для чтенія предлагаетъ только книги Моисеевы. Зиновій выясняетъ мотивы такихъ дѣйствій лукаваго. Отъ молитвы отклонялъ онъ Никиту потому, что „молитвою намъ вся благая бывають, она свискиваетъ благодать св. Духа“ и въ то же время она—самое дѣйствительное орудіе противъ дьявольскихъ козней; а чтобы прикрыть благовиднымъ образомъ свой злой умыселъ, дьяволъ указалъ ему на чтеніе священныхъ книгъ. Хотя эти книги и святы, но дьяволъ „тѣми чловѣкы убивати обыче, ими же и самъ погубе“. Читающіе только ветхозавѣтныя книги не желаютъ „научитися“ прежде отъ св. Духа, отъ добрыхъ ученныхъ прежде“, но надѣются только на свой разумъ и впадаютъ въ гордость и „самосмышленіе“; отъ того и ереси бывають, потому что они духа не имѣють: по апостолу „духъ животворить“, писма же умерщвляютъ (2 Кор. 3, 6) и отвержени отъ Господа бывають самосмышленія ради“.

„Но божественная благодать не на мнозѣ остави подвижника мучительству насильника поднасти“; это поущеніе Божіе служило для укрѣпленія душевныхъ силъ св. Никиты и для поученія всѣхъ вѣрующихъ. Печерскіе отцы возвратили на путь истинный Никиту, и онъ потомъ усиленными подвигами загладилъ свое паденіе и за добродѣтели былъ удостоенъ святительскаго престола въ Новгородѣ. (356 об.—259 об.) Затѣмъ, послѣ риторическихъ сравненій еп. Никиты съ Моисеемъ, для изображенія его заслугъ предъ паствою (360—360 об.), Зиновій изображаетъ его личныя добродѣтели, проявленныя въ этомъ санѣ, говоритъ о благотворительности, разказываетъ о его двухъ чудесахъ, замѣчая, что онъ „всѣми нравы Господнихъ заповѣдей исправленіе показа, сего ради и молитвами своими вся просимаа имъ отъ Бога пріимаше“ (361—361 об.), и затѣмъ передаетъ о его смерти и о прославленіи тѣла нетлѣніемъ и чудесами, „чрезъ что Богъ всѣмъ показа церковь свою, не имущую порока, и всѣми сими обличаа отступниковъ отъ православной вѣры, отгоняя тму безбожныя ихъ ереси, соблюдая благочестивыа отъ законопреступленія ихъ... указуа правѣ вѣровати и благочестивѣ жити“... (361 об.—362 об.).

Въ заключеніе слова Зиновій говоритъ, что онъ разказалъ объ этихъ чудесахъ для того, „елико точію Божія благодати въспоманемъ и святого памяти достойную честь отдамы, другая же вящшая, елика оставихъ, инии да глаголють, ибо и преже насъ о семъ глаголаша и по насъ да глаголють: божественное бо сокровище есть безмѣрно и черпаемо паче преизобилствуетъ“. Затѣмъ онъ приглашаетъ слушателей принести для ночтанія святаго достойные его дары: „тѣлеси смиреніе, души восхоженіе, дѣвы бесплодіе, жены благоукрашеніе добродѣтели паче, нежели тѣлеси, юннии на страсти мужество, старпы благосовѣтіе, силнии господа благозаконство, воинствующіе кротость, предстателіе ученіе, богатіи подательство, убозии благодареніе, вси же елика истинна, елика честна, елика праведна и пр. (Филипп., 4, 8). Сіа Никита паче пріемлетъ, сими множае радуется, тая бо и живъ поучаше и нынѣ тѣхъ же хощеть отъ насъ“. И наконецъ приглашаетъ всѣхъ похвалить Никиту: „хвалите же настольницы правило закону, народи благочестника, дѣвицы невѣстоводца, сунружнии казателя цѣломудрію“ и т. д., и приглашаетъ молиться ему, „да молитвами его сподобимся небесныхъ благъ получитьи, здѣ поживше добрѣ, и вѣчную жизнь въ небеснѣмъ царствіи поживемъ“...

Мы изложили довольно подробно слово Зиновія для того, между прочимъ, чтобы дать полное представлѣніе о ходѣ и содержаніи мыслей этого виднаго писателя XVI вѣка; для той же цѣли мы старались по мѣстамъ удерживать и его собственныя выраженія.

Содержаніе слова показываетъ, что оно вполне можетъ быть отнесено къ установившемуся уже къ тому времени типу агіологической литературы, въ которой чисто-біографическій или историческій элементъ занимаетъ второстепенное мѣсто, а на первый планъ выдвигается поученіе, элементъ моралистическій, чисто-проповѣдническій. Произведенія этого рода пишутся не для цѣлей біографіи, а исключительно для прославленія святаго и вмѣстѣ для нравственнаго назиданія и поученія слушателей и читателей. Въ нихъ „больше проповѣди, чѣмъ біографіи“. При этомъ, какъ произведенія панегирическія, они получаютъ и форму, соответствующую содержанію, — напыщенную, риторическую, пишутся возвышеннымъ тономъ, высокопарными фразами. У насъ подобная литературная форма сначала явилась, какъ подражаніе иноземнымъ образцамъ, а затѣмъ, съ развитіемъ и укрѣпленіемъ къ ней вкуса среди авторовъ и читателей, она постепенно сдѣлалась общею нормой для произведеній этого рода.

Къ распространенію этой литературы могли быть и домашнія причины. Вслѣдствіе полнаго отсутствія чисто-гомилетическихъ произведеній не только оригинальныхъ, но и подражательныхъ, церковь, сознавая обязанность и нужду нравственно-учительнаго воздѣйствія на паству, воспользовалась агіологической литературой, столь излюбленной и распространенной въ народѣ, и соединила съ ней свои учительныя задачи. Посему этого рода произведенія представляютъ интересъ, какъ со стороны чисто-исторической, такъ и морально-учительной, и одной стороной они относятся къ памятникамъ литературнымъ, а другою — къ церковной проповѣди.

Для такой же проповѣди предназначалось и слово Зиновія, и поэтому ораторъ не ограничился одной передачей обстоятельствъ открытія мощей св. Никиты и фактовъ изъ его жизни (что было уже сдѣлано раньше его), но соединилъ съ фактическимъ матеріаломъ элементъ морально-поучительный. У него по мѣстамъ разбѣано много частныхъ поучительныхъ тирадъ, напримѣръ, о молитвѣ и ея значеніи (л. 357 об. — 358), о необходимости вѣры при молитвенныхъ обращеніяхъ къ Богу и святымъ (л. 324 об. — 326 об.), о правильномъ и спасительномъ пользованіи священною литературой (л. 358 и об.), о спасительныхъ подвигахъ иноческаго житія (л. 353 и об.), пре-

достереженія отъ увлеченія въ пагубную ересь (л. 321—322 об.), объ отношеніи къ еретикамъ и др. Къ этой учительной задачѣ присоединялась еще цѣль полемическая. Здѣсь не простой пастырь-проповѣдникъ восходилъ на церковную кафедру, а выступалъ съ сильнымъ словомъ горячій защитникъ православія и обличитель зловредныхъ еретиковъ. Еретическое ученіе Θεодосія Косаго разливалось въ народѣ и отвлекало многихъ отъ правосѣрія, нападки его на вѣрованія церкви требовали отпора, отраженія; нужно было парализовать ихъ дѣйствіе на народъ, предупредить заразу, остановить зло въ самомъ началѣ его распространенія. Эта-то высокая цѣль — апологетико-полемическая, и одушевляла нашего писателя¹⁾, и онъ пользуется всѣми средствами для защиты православнаго ученія.

Среди полемики съ еретиками Зиновій даетъ довольно интересныя историческія свѣдѣнія о Косомъ, драгоценныя въ томъ отношеніи, что они рисуютъ намъ его ученіе въ первой стадіи развитія до бѣгства его въ Литву, и съ другой стороны здѣсь мы находимъ сужденія объ этомъ вольнодумцѣ со стороны строго-православнаго и богословски-образованнаго чловѣка своего времени. Для насъ важенъ тотъ взглядъ на эту ересь, какой составилъ среди современнаго образованнаго монашества. Въ словѣ Іоасафа указана кратко внѣшняя судьба Косаго и его отрицательное ученіе; Зиновій даетъ свѣдѣній уже нѣсколько больше, хотя все же, видно, что онъ передаетъ только ходячіе слухи о сущности ученія Косаго, въ томъ именно его проявленіи, которое касалось почитанія святыхъ, мощей ихъ и иконъ. Изъ характеристики Косаго онъ разказываетъ о бѣгствѣ его въ Литву. „Многая имѣла себѣ наложи безумный Косой, бѣгая бо благочестивыхъ, иже неправедника праведнѣ гонящихъ, на всякомъ градѣ и мѣстѣ прелагая себѣ имена, тщимое бо ему утаится гонящихъ его, донелѣже прибѣжа въ Литву; глаголють же его тамо отвергнаго со мнѣшествомъ и вѣры Христовы, жидовыни жена поять его мужемъ себѣ“ (л. 348; сравн. „Истинныя Показанія“, стр. 26). Самое ученіе Косаго Зиновій представляетъ въ такомъ видѣ. Косой „во множествѣ хуленіихъ своихъ еже на православную вѣру блядословяше и се живый той глаголя: не быти благочестно къ Богу поклоненіе честныхъ иконъ, и всесвятую Богородицу съ святыми всѣми похули, и молящимся имъ помогати ничтоже мощи глаголати, и равны всѣмъ мерт-

¹⁾ На эту цѣль Зиновій самъ указываетъ неоднократно; см., напримѣръ, л. 306 об., 313 об.

вещемъ преподобныя нарицаѣя ¹⁾, ни познавшаа истинны чюжимъ быти Бога священныя вся именуа мужа. Той убо окаянный Косой лицемѣриемъ убо Мартиновыхъ нѣмецкихъ ересей и проповѣдникъ быти мяшесе ²⁾, истинною же антихристовъ предотеца безвѣрію учае и отъ Христа отступити прелщаше, сего ради и Христовъ святой образъ дерзостнѣ безчестяше, идолы именуа честныя иконы и святыхъ мощи мертвеца еллинскія злословя, почитающа же сіа челоуѣкослужебники и идолопоклонники называше и въ всемъ антихристовъ пророкъ противитися Господню оправданію тѣшашеся“ (л. 347 об.—348). Еще важное для характеристики Косаго мѣсто, въ которомъ Зиновій говорить: „о Косомъ, содержащемся лжею еретикомъ, а не священномъ писаніи, аще и приѣмлютъ писанія лицемѣриѣ и, ложнымъ толкованіемъ развращающе, прелщаютъ неразумѣющихъ лукавства ихъ, иже не вѣдятъ и сами ни яже глаголютъ, ни о нихже утвержаются, мяшесе учителя быти, якоже и апостоль къ Тимофею пиша [1 Тим. 1, 6—7] обличаетъ сихъ“ ³⁾ (л. 314 об.). Изъ этого видно, что Зиновій въ 1565 году зналъ ученіе Косаго только съ этихъ отрицательныхъ сторонъ и по сходству его въ этомъ съ лютеранскимъ ученіемъ естественно ставилъ Косаго въ разрядъ адептовъ ученія Лютера. Но вскорѣ ему пришлось познакомиться съ ересью Косаго гораздо подробнѣе и основательно заняться ея опроверженіемъ. Можетъ быть, приведенное сужденіе Зиновія о Косомъ было главнымъ мотивомъ, побудившимъ старорусскихъ клирошанъ идти къ нему съ горячею просьбой дать свой отзывъ о „новомъ ученіи“. Отъ нихъ-то Зиновій и услышалъ въ первый разъ это ученіе во всѣхъ его подробностяхъ и написалъ въ опроверженіе свою книгу „Истинны показаніе“.

Въ этомъ же трудѣ Зиновій ясно выражаетъ свой взглядъ на эту ересь и на отношеніе къ еретикамъ. Эти вопросы еще недавно занимали сознаніе всего мыслящаго общества, и нельзя сказать, чтобы они къ этому времени сошли со сцены, хотя, можетъ быть, прямо и

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „И да постыдится Косой и учай его, живый въ немъ, дьяволъ, повелѣвая своимъ ученикомъ не почитати иже въ благовѣрїи преподобно и праведно пожившихъ святыхъ мощей по смерти ихъ“ (л. 311 об.).

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ Косой съ единомысленниками называются „обновляющими нѣмецкое злословіе Мартиновы ереси“ (л. 309 об.).

³⁾ Ср. „Истинны показаніе“, стр. 49—50, 110; „Многословное посланіе“, стр. 2, 276—279.

не ставились. Въ ученіи Косаго и взятыхъ до него подсудимыхъ (игумена Артемія и др.) вопросъ этотъ снова является стѣною, разделяющей общество на двѣ неравныя половины. Въ господствующемъ консервативномъ большинствѣ по этому вопросу царили строгіе фанатическіе взгляды Юсифа Волоцкаго, въ то время какъ сторонники гуманныхъ воззрѣній Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева считались либералами, свободомыслящими. И эти-то взгляды защищали Артемій и Θεодосій Косой. Въ приведенныхъ выше тирадахъ оцѣнка Зиновіемъ ереси ясно видна. Косаго съ единомысленниками онъ называетъ „врагами Христовой церкви“, „безбожными“, „лживыми“, самъ Косой называется „безумнымъ“, „волкомъ“, „лукавымъ“, „предтечей антихриста“, въ немъ живетъ дьяволъ, онъ своимъ ученикамъ готовитъ вѣчную погибель. Источникъ ересей Зиновій видитъ въ „самовольномъ самоизмышленіи“, въ невниманіи и забвеніи вселенскихъ и церковныхъ авторитетовъ (л. 358). Противъ еретиковъ, ратующихъ православную церковь, онъ считаетъ законными преслѣдованія (л. 348 об.); православнымъ рекомендуетъ удаляться отъ общенія съ ними и запрещаетъ даже молиться за нихъ (л. 351). Эти взгляды на отношенія къ еретикамъ подробнѣе и опредѣленнѣе развиты въ „Истинны показаніи“ (стр. 883—887, 879—881) и доведены до ркой крайности въ „Многословномъ посланіи“ (292—300 стр.). Подобное строгое отношеніе къ еретикамъ, воспитанное византийскою литературой и примѣрами, а также уваженіемъ и преданностью церкви и ея установленіямъ, было, можно сказать, общераспространеннымъ и господствующимъ въ то время на Руси; исключеніе очень отрадное составляли челоуѣколюбивыя и евангельски-настроенныя иноки воложскихъ пустынь.

Не смотря на строгія преслѣдованія и внѣшне-охранительную опеку со стороны церковной іерархіи, предшествовавшее и современное разказаннымъ здѣсь событіямъ рационалистическое движеніе въ русскомъ обществѣ успѣло принести свои плоды, главнымъ образомъ въ сферѣ обрядовой, которая была предметомъ усиленныхъ нападковъ лицъ свободомыслящихъ, на что указываютъ передаваемые Зиновіемъ два факта проявленія скептицизма по отношенію къ мощамъ Никиты въ средѣ лицъ правящихъ и даже среди духовенства, вообще же среди образованнаго класса.

Помимо указаннаго, слово Зиновія представляетъ историческій интересъ своими свѣдѣніями о подробностяхъ открытія мощей двухъ

святителей Никиты и Луки Жидяты ¹⁾, затѣмъ отчасти о эпизодахъ изъ Ливонской войны.

Для характеристики Зиновія важно здѣсь отмѣтить еще его глубокую проникнутость идеей провиденціализма, которою онъ освѣщаетъ всѣ событія, крупныя и мелкія; сверхъестественное вмѣшательство сопровождаетъ всѣ человѣческія дѣянія и всѣ событія; самъ Богъ руководить теченіемъ міровой и частной жизни и направляетъ его къ своимъ цѣлямъ.

Что касается литературной зависимости, то нужно сказать, что Зиновій всего менѣе способенъ былъ стоять въ подобной зависимости отъ другихъ; въ своихъ взглядахъ, сужденіяхъ, равно какъ и въ самомъ изложеніи онъ всегда обнаруживаетъ самостоятельность и оригинальность; его самобытная, глубоко-образованная натура просвѣчиваетъ какъ въ мелкихъ, такъ и въ крупныхъ его трудахъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось излагать матеріалъ, уже подвергавшійся обработкѣ, и когда совсѣмъ не оставалось мѣста для оригинальности, онъ умѣлъ по своему и независимо отъ другихъ передать уже знакомое всѣмъ содержаніе. Здѣсь, напримѣръ, у него большое сходство по расположенію матеріала, направленію и ходу мыслей со словомъ Іоасафа, но все же упрекнуть его въ литературной зависимости нельзя. Общеизвѣстныя фактическія данныя онъ умѣлъ изложить по своему, освѣтилъ ихъ съ нужной ему точки зрѣнія и направилъ къ одной поставленной имъ цѣли. Что касается риторическихъ приемовъ и оборотовъ, то этотъ запасъ ко времени Зиновія былъ на столько обилень даже и въ нашей отечественной литературѣ, что предполагать заимствованіе ихъ у серба Льва Аникиты Филолога ²⁾ нѣтъ нужды и основаній, тѣмъ болѣе что при

¹⁾ Подробности эти больше нигдѣ не указываются, и слово Зиновія является единственнымъ источникомъ; между прочимъ, въ немъ есть нѣкоторая разница въ разказѣ о событіяхъ, предшествовавшихъ открытію мощей, сравнительно со словомъ игумена Іоасафа.

²⁾ О „сильномъ вліяніи сербскаго Филолога“ говоритъ проф. *Ключевскій* („Житія святыхъ“, стр. 268); разумѣются два его похвальныхъ слова въ честь Зосимы и Савватія (напеч. въ *Православномъ Собесѣдникѣ* 1859 г., ч. II и III). О самомъ Филологѣ см. статью въ *Прибавленіяхъ къ твор. св. отца*, ч. XVIII.—Но помѣнится, пора ужъ различить навсегда Зиновія съ Филологомъ, которыхъ свѣдѣнія редакция *Православнаго Собесѣдника*, введенная въ заблужденіе какимъ-то древнимъ переписчикомъ, непонятно почему поставившимъ имя Зиновія надъ старымъ Филологомъ. Такою же ошибкой можно объяснить его имя, поставленное надъ

сравненіи этихъ писателей выступаетъ на видъ не сходство, а различіе. Вообще Зиновій, по сравненію съ современными ему писателями, цѣликомъ вписывавшимися чужія тирады въ свои труды (какъ, напримѣръ, Іосифъ Волоцкій), можетъ быть названъ авторомъ самостоятельнымъ и оригинальнымъ.

Ф. Калугинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

похвальнымъ словомъ въ честь Михаила и Теодора Черниговскихъ, которое можетъ принадлежать кому угодно, только не Зиновію, потому что оно ничѣмъ не напоминаетъ этого писателя. Начало его: „О Михаилѣ да речемъ вкупѣ и Теодорѣ честныхъ и великихъ“... Списки: Чет.-Мин. Герм. Тулузова въ Троице-Серг. лаврѣ, № 664 и 665; въ сборн. Солов. библиотеки № 117 (873—983) л. 118—133; Сборн. Москов. Синод. библиотеки, № 818 и др.

ГОМИЛЕТИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ИНОКА ЗИНОВІЯ ОТЕНСКАГО ¹⁾.

Слово на открытіе мощей архіепископа Іоны Новгородскаго.

Не извѣстно, что заставило инока Зиновія избрать мѣстомъ своей подвижнической жизни Отню пустынь. Извѣстіе, имѣющее за себя только авторитетъ митрополита Евгенія, предполагаетъ невольное поселеніе его въ этой пустыни, въ видѣ почетной ссылки за приверженность къ его учителю Максиму Греку ²⁾. Какъ бы то ни было, Зиновій провелъ въ этомъ захолустномъ и скромномъ монастырѣ послѣднюю половину своей жизни и здѣсь почилъ на вѣки своимъ тѣломъ.

Отня пустынь никогда не играла видной роли на исторической сценѣ и ничѣмъ не ознаменовала своего долготѣннаго существованія, пребывая и доселѣ незамѣтной и незначительной обителью. И, можетъ быть, ей никогда не было бы суждено выйти изъ неизвѣстности, еслибы два имени не привлекали къ ней любопытнаго или благоговѣйнаго вниманія. Святитель Іона Новгородскій и ученый инокъ Зиновій создали ей славу и своимъ пребываніемъ въ ней способствовали тому, что имя ея не затерялось и не умерло доселѣ. Историческія извѣстія объ Отней пустыни идутъ съ 1420 года, когда юрьевскій архимандритъ Харитонъ устроилъ въ ней церковь Николая чудотворца ³⁾. Можетъ быть, это было и началомъ самой пустыни, (потому что она называлась также обителью архимандрита Харитона). Затѣмъ въ благоустроенное и цвѣтущее состояніе она была приведена свят. Іоною, о которомъ и будетъ рѣчь у насъ дальше.

¹⁾ *Окончаніе*. См. февральскую книжку *Журн. Мим. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ „Историческій словарь писателей духовнаго чина“, ч. 1, Зиновій.

³⁾ З Новг. лѣт. стр. 237 = 4 Новг. лѣт. стр. 119, гдѣ объ Харитонѣ не упоминается.

Изъ дѣтства Ионы передается въ рукописяхъ одинъ интересный разказъ, записанный кѣмъ-то съ его словъ. Разказъ этотъ отличается такою простотой, безыскусственностью, что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, какъ явленіе рѣдкое и отрадное среди современной ему книжной или искусственно-риторической литературы. Мы приводимъ его цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что онъ и не великъ ¹⁾.

„Повѣда намъ самъ господинъ архіепископъ Иона, егда, рече, бѣхъ еще младенецъ, оставшу ми сиротою отъ отца седми лѣтъ, а отъ матери треи жѣтъ; и положилъ Богъ на сердце женѣ вдовици, именемъ Натальи, матери Якова Дмитреевича, Медоваровѣ, а Михайловѣ бабѣ, — и взяша мя въ домъ свой къ себѣ и нача кормити и одѣвати, яко истинная мати родная; талже мя дасть на ученіе грамотѣ діаку. Бысть же во училищи томъ множество дѣтей учащихся, мнѣ же убожества и нищеты суци тиху и смирену, бѣхъ бо и болѣзливъ, не приступахъ къ прочимъ дѣтемъ, онѣмъ убо играющимъ, якоже обычай дѣтемъ, азъ же на нихъ толико смотряхъ, какъ играютъ. Во единъ убо отъ днѣй и дѣтемъ играющимъ по вечерни, абіе идяше по улици блаженъ мужъ ²⁾, дѣти же устремившеся на него всѣ, начаша метати каменіе и сметіе на очи его, а мнѣ стоящу на единомъ мѣстѣ недвижимо. Онъ же оста всѣхъ дѣтей и притече ко мнѣ, и взялъ мя за власы да поднялъ выше себя, и нача звати именемъ, никако же зная мя, ни отца моего, ни матери моея, глаголя: „Иванецъ, учися, господине, грамотѣ съ прилежаніемъ, быти тебѣ въ великомъ Новѣградѣ архіепископомъ“. И по изволенію же Божію, по преставленіи архіепископа Еоуфиміа, по прореченію оногo уродиваго Христа ради, возведенъ бысть Иона на архіепископство великому Новуграду и Пскову. и бысть на архіепископствѣ 12 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Бысть же при его святительствѣ миръ со всѣми землями и тишина и гобзованіе плодамъ“.

Сиротская доля мальчика, его болѣзненная организація и робкій меланхолическій темпераментъ побудили его искать келейнаго уединенія и монашескихъ подвиговъ. Онъ постригся въ Отней пустыни и „проходилъ въ ней подвиги добродѣтелей“ ³⁾. „И ту отъ много лѣтъ

¹⁾ Беремъ этотъ разказъ изъ Сборника XVI вѣка Моск. Син. библ. № 630, л. 240 об.; другой списокъ въ рукоп. Рум. музея № 39, за л. 12.

²⁾ Это былъ юродивый Михаилъ Клопскій.

³⁾ Дальнѣйшія біографическія свѣдѣнія объ Ионѣ мы заимствуемъ изъ житія его, составленнаго неизвѣстнымъ авторомъ вскорѣ же (черезъ 2 года) послѣ его смерти. Оно напечатано въ „Пам. старин. русск. литер.“, т. IV, стр. 27 съ руко-

постяся бѣ и благожизнію дѣтелей и благодатію, и игуменства тоя обители достоинъ бывъ“. Вся дѣятельность Ионы по отношенію къ излюбленной имъ пустыни и во время игуменства и впослѣдствіи состояла въ украшеніи и благоустроеніи ея, и въ снабженіи ея имѣніями и другими угодьями. Во время его игуменства въ 1452 году здѣсь построена была каменная церковь трехъ святителей архіепископомъ Евѣиміемъ ¹⁾. Слухъ о добродѣтельномъ, смиренномъ и разсудительномъ игуменѣ Ионѣ разносился далеко, и многіе „спомогаху ему отъ имѣній своихъ, той же приходящая ему имѣнія не собѣ сокровиществуетъ, но въ общину всѣмъ живущимъ ему полагаетъ, и ими-жъ и обители помощь умышляетъ, необходимая той пристраиваетъ, и приходы испуковая, якожъ и иныя обители стяжаша“.

Послѣ смерти архіепископа новгородскаго Евѣимія ²⁾ Иона вскорѣ же ³⁾ „жребіемъ и нарокомъ всѣхъ людій и изволеніемъ всео собора“ былъ избранъ ему преемникомъ, а въ слѣдующемъ (1459) году возведенъ въ санъ архіепископа митрополитомъ Ионою ⁴⁾. Но и въ этомъ высокомъ положеніи не забылъ Иона обители, гдѣ онъ началъ свои иноческіе подвиги. Онъ построилъ въ ней три церкви (зимнюю въ честь св. Николая съ „трапезницей“, въ честь Онуфрія Великаго и Иоанна Предтечи, имя котораго онъ носилъ до постриженія ⁵⁾), украсилъ живописью и обогатилъ дорогими вкладами церковь трехъ Святителей, и самому монастырю приписалъ много имѣній и другихъ угодій и денежныхъ вкладовъ. Ко всему этому выхлопоталъ у великаго князя для обители несудимую грамоту.

Св. Иона оставилъ крупныя слѣды и своей архипастырской дѣя-

писи Новгор. Соф. библ. XVI вѣка. Въ этой бібліотекѣ мы знаемъ два списка въ № 1492 и 1424; другіе списки видѣли въ Чет.-Мин. Милютинна въ Син. библ. ноябрь, л. 192; въ рукоп. Рум. муз. № 154, л. 311 и др. Вообще же это житіе было очень распространеннымъ (См. у Барсукова Источники русской агиографіи. С.-Пб. 1882).

¹⁾ П. С. Р. Л. III, 141, 240 стр.

²⁾ Въ мартѣ 1458 года (6966—П. С. Р. Л. III т.).

³⁾ По всей вѣроятности, въ маѣ того же года; онъ умеръ 1470 г. 5-го ноября и „бысть на владычествѣ 12 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ“ (лѣтоп. Новг. влад. = П. С. Р. Л. III, 183).

⁴⁾ П. С. Р. Л. III, 183, 241 стр.

⁵⁾ „Въ лѣто 6970 (=1462) поставиша церкви въ Отни пустыни Иоанна Предтечи и Онуфрія Великаго каменныя, и на другое лѣто (1463) онъ же Иона архіепископъ постави церковь каменну съ трапезою Николая Чудотворца въ Отни же пустыни“ (3 Новг. л.—П. С. Р. Л. III, стр. 241).

тельности. „Съвершену бо ему сущу старостию, помазаніе архіерейства приять, юностию же крѣпостию поощряемъ на благодѣйствія“, говоритъ его біографъ. „Вся бо епископская тѣшася добро чести и исправити и вся на добру жизнь управитися ѹчаще. Самъ первіе воображася добродѣиємъ и очи свои положи на вдовыя, сироты и на убогыя града... Многу-жъ и свѣтлу о немъ добродѣянню всюду обноситися, и всѣмъ и любимъ и желаемъ, слышавшимъ и видящимъ сладокъ, кротокъ бо и смиренъ помногу, добродѣиственъ ко всѣмъ, тѣмъже и московскіи князи много любяху его и съ говѣиємъ почитаху, и писанія множицею послаху къ нему и отъ него въсписанія желанно пріимаху“. Пріѣзжавшій въ Новгородъ за данями великій князь Василій Васильевичъ „миромъ прииде, преже бо двократы при блаженнемъ Еуфиміи ратию приходивъ бѣаше“,... и почиташе его [Иону] князь аки отца и послушаше его въ всемъ“. Когда въ другой разъ Василій Васильевичъ разгнѣвался на новгородцевъ и хотѣлъ идти на городъ съ войскомъ („искаше подъяти руцѣ на великій Новъградъ“) для достойнаго наказанія ихъ, то архіепископъ Иона, вызванный тогда въ Москву въ 1463 году ¹⁾, сумѣлъ умиротворить великаго князя и тѣмъ спасъ до времени городъ отъ разоренія. Между прочимъ онъ предсказалъ о наслѣдникѣ престола Иоаннѣ, что онъ выйдетъ изъ зависимости „Ордынскихъ царей“. „О семъ пророчествѣ святителя старца уследи князь и возвеселися зѣло о обѣщаніи свободы сынови своему отъ Ордынскихъ царей, ... радостно предъ митрополитомъ обѣща архіепископу снабдѣти люди его и всякъ гнѣвъ отложивъ, миръ Великому Новграду дарова“.—Но Иона понималъ, что эта милость не будетъ продолжительна, и гибель Новгорода отерочена не надолго. „Провидѣ бо духомъ, яко иудемъ его невозможно до конца содержать въ свободѣ града своего продерговающіяся ради неправды въ нихъ и насилія“.

Св. Иона прошелъ не безъ значенія и для русской литературы. Онъ приблизилъ къ себѣ серба Пахомія Логоета „книжнымъ слогиамъ искуснаго“, и поручалъ ему писать житія святыхъ и щедро награждалъ его за это. Такъ здѣсь Пахомій написалъ „житіе съ похвальнымъ словомъ и канонъ преподобному Варлааму Хутынскому, еще же и великому Ануфрию, — ктитору Отней пустыни; затѣмъ каноны и житія княгини Ольги, преп. Савѣ Вишерскому, архіепископу Еввимию.—За это Иона „одарилъ его множествомъ сребра, куны же и

соболами почтивъ зѣло“... По смерти митрополита Ионы онъ написалъ „послѣдованіе памяти его и службы канонъ“. „Много же понужаше Пахомія Иона, утѣшая его златомъ и соболами, да спишетъ ему и еще канонъ преп. Сергію („иже на Маковцѣ“). Пахоміе же не рачи послушати архіепископа, но готовяшася самъ ити въ Московскія страны... ктому не возможе его принудити писати или житія или канонъ ни Михаилу Клопскому, ни иному ни единомуже, емуже хотяше память уяснити архіепископъ; излиха бо Божіимъ угодникомъ теплѣ бѣяше Иона“.

Въ Отней пустыни нашель Иона и вѣчный покой своему тѣлу. „Ослабѣвъ отъ старости и не владѣя уже ногами, онъ написалъ собственноручно завѣщаніе, просилъ новгородцевъ не оставлять Отенской пустыни; поручалъ ее въ защиту своимъ преемникамъ. Онъ скончался какъ праведникъ ¹⁾. Его похоронили въ дубовомъ гробѣ въ церкви Іоанна Предтечи, созданной имъ, и не посыпали его землю до срока дней, пока совершались объ немъ обычныя панихиды“ ²⁾. И такъ какъ тѣло его во всѣ эти дни не издавало смрада, то его и вовсе не засыпали землей, но верхъ гроба покрыли на локоть выше досками. „И второму лѣту уже исходящу по успеніи его, и никтоже до днесь смрадъ обонявъ явился отъ гроба его въ церкви той, присно людемъ поюющимъ ту и у гроба его стоящимъ, и мѣсту мокру сущу и водну, лѣтомъ теплымъ бывшимъ, обаче преподобнаго святителя тѣло не издастъ воня и до днесь“ ³⁾.

О послѣдовавшемъ черезъ 83 года открытіи мощей архіепископа Ионы разкажетъ намъ Зиновій въ своемъ словѣ, для уясненія котораго мы и привели слишкомъ подробныя извѣстія объ этомъ архіепископѣ.

Извѣстенъ только одинъ списокъ этого слова Зиновія въ сборникѣ житій новгородскихъ владыкъ, принадлежащемъ Румянцевскому

¹⁾ Иона умеръ 5-го ноября 1470 года (6979), хотя лѣтописи и разногласятъ; (8-го ноября; 2 Соф. = П. С. Р. л. VI, 190; Воскр. л. = П. С. Р. л. VIII, 159, 5-го ноября; 2 Новг. = П. С. Р. л. III, 159; Лѣтоп. Новг. влад. = П. С. Р. л. III, 183; а во 2 Псков. л. = П. С. Р. л. V, 35 указанъ годъ 6978). Преемникомъ ему избрали Ѳеофила, „нѣкоого новопостриженна мниха, діакоу ему мірскому бывшу у того же Ионы архіепископа“ (2 Соф. л. = П. С. Р. л. VI, 190).

²⁾ Костомаровъ, „Сѣверно-русс. народопрарства“, ч. II, 316. Здѣсь онъ разказываетъ біографіи новгородскихъ владыкъ.

³⁾ Такъ передаетъ авторъ житія; и въ этомъ можно видѣть указаніе на время его написанія.

¹⁾ „Въ лѣто 6971 ѣздилъ Иона на Мосеву“ (2 Новг. л. = П. С. Р. л. III).

музею [№ 154 л. 336—361].—Проф. Ключевскій въ своей книгѣ „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“, первый рѣшился признать авторомъ этого слова Зиновія; въ этомъ онъ основывается на нѣкоторыхъ „выраженіяхъ его, одинаковыхъ съ „Истины показаніемъ“ и на „почти дословномъ“ сходствѣ конца слова съ соотвѣствующими мѣстами этой книги Зиновія (стр. 257). Его мнѣніе повторяетъ преосв. Макарій въ своей „Исторіи церкви“ (VII, 526 стр.) и г. Барсуковъ въ „Источникахъ русской агиографіи“.

Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ почтенныхъ ученыхъ о принадлежности этого слова перу славнаго автора „Истины показанія“. Въ пользу этого говоритъ очень много данныхъ, которыя подрываютъ всякое сомнѣніе въ высказанномъ предположеніи и которыя переносятъ послѣднее изъ области вѣроятностей въ сферу несомнѣнной дѣйствительности. — Прежде всего должно указать на то, что Зиновій, постоянный обитатель Отней пустыни, несомнѣнно былъ очевидцемъ случившагося событія, и потому всего естественнѣе у него могло явиться желаніе описать его для вѣчной славы монастырскаго святителя и покровителя; тѣмъ болѣе, что мы не можемъ указать когонибудь другаго изъ братіи монастырскаго, способнаго къ литературному труду; да едва ли и были тамъ такіе. — Далѣе, буквальное повтореніе въ концѣ слова цѣлаго отдѣла изъ „Истины показанія“ могъ допустить только авторъ послѣдняго; къ этому можно прибавить большое сходство съ указаннымъ трудомъ въ общемъ тонѣ и характерѣ мыслей въ сужденіи объ еретикахъ, затѣмъ въ складѣ рѣчи и характерныхъ особенностяхъ стиля Зиновія; изъ этихъ признаковъ можемъ указать на беспорядочность и разбросанность мыслей, на повторенія одного и того же по два по три раза, на его излюбленные словечки: „убо“, „не убо“, „иже“ (артикльное) и др., наконецъ, на заглавіе этого труда, отразившаго особенность Зиновія, который любилъ подробно, точно и обстоятельно обозначать предметъ содержанія своихъ рѣчей. Подобно „Истины показанію“, вышеприведенному слову о Никитѣ, и въ заглавіи этого слова объ Ионѣ мы находимъ краткое указаніе или перечисленіе главныхъ предметовъ рѣчи. Вотъ это заглавіе: „Того же ¹⁾ о обрѣтеніи мощемъ преподобнаго Ионы, архіепископа

¹⁾ Это „того же“ не должно насъ смущать, оно явилось вслѣдствіе недоразумѣнія переписчика. Слово Зиновія слѣдуетъ въ сборникѣ за сказаніемъ объ Ионѣ неизвѣстнаго автора, которое мы пересказали выше и которое относится къ XV стол. (Ключевскій, стр. 184—188). Если не сваливать вину на произволь переписчика, самовольно поставившаго это выраженіе, то придется допустить,

великаго Новаграда и о казняхъ, бывающихъ на насъ отъ Бога, яко тяжкая согрѣшенія мститъ, судитъ Богъ, рекше мучитъ въ нынѣшній вѣкъ и въ будущій, якоже священное писаніе сказуетъ; тяжчайшая же согрѣшенія суть сія: отступленіе отъ Бога—рекше невѣріе или ересь, и еже не творити суда и правды и милосердія ко всѣмъ, и еже обидити коимъждо насиліемъ“.

Относительно хронологическихъ соображеній въ словѣ указывается только одна общаго характера дата, именно митрополитъ Макарій представляется уже умершимъ, а смѣрть его послѣдовала 1-го января 1564 года ¹⁾, слѣдовательно—годъ написанія слова падаетъ на одинъ изъ четырехъ между 1564 и 1568 (годъ смерти самого Зиновія).—Проф. Ключевскій считаетъ „вѣроятнымъ“ появленіе его одновременно съ книгой противъ Косого, то-есть, 1566 или 1567 годъ. На это предположеніе, какъ можно думать, повліяла прибавка къ концу слова выписки изъ „Истины показанія“, что могло быть только уже послѣ написанія этого сочиненія. Это предположеніе склонны принять и мы, подкрѣпляя его съ одной стороны 1565 годомъ написанія слова о Никитѣ.

Изъ этого слова Зиновія нѣкоторыя свѣдѣнія переданы Н. И. Костомаровымъ въ біографіи Ионы ²⁾ и В. О. Ключевскимъ ³⁾, но все слово до сихъ поръ еще не было предметомъ изслѣдованія, и содержаніе его остается неизвѣстнымъ. Въ виду его интереса не по одному содержанію, но и со стороны литературной формы, а также въ виду одиночной рѣдкости его списка, мы считаемъ умѣстнымъ подробнѣе изложить его содержаніе и затѣмъ укажемъ его характерныя особенности.

что въ подлинной рукописи дѣйствительно такъ и стояло, и что это слово Зиновія слѣдовало за другимъ его же похвальнымъ словомъ въ честь Ионы. Въ пользу этого, повидимому, говорить и начальныя слова: „Воспріяхомъ и пакы о отци нашемъ... Ионѣ..., не убо житіе его похвалити нынѣ настоще, но о обрѣтенію мощей его сотворяется память днесь“. Если похвальное слово Зиновія дѣйствительно существовало, то оно до насъ не дошло. Существующее въ спискахъ одно похвальное слово—приписано Зиновію глѣтъ основаній, напротивъ, встрѣчаются преніяствія. Слово это помѣщено въ томъ же Сборникѣ № 154, за излагаемымъ сказаніемъ Зиновія (л. 361—370) и начинается: „Въ память вѣчную будетъ праведникъ, якоже рече пророкъ, понеже убо память праведныхъ воспоминается во всякое время“...

¹⁾ 7072 года—П. С. Р. Л. IV. 315 стр.

²⁾ „Сѣверно-русск. народоправства“, II, 317.

³⁾ „Житія святыхъ“, 268, 422—423.

Слово это, по всѣмъ видимостямъ, было произнесено въ день празднованія открытія мощей архіепископа Іоны ¹⁾.

Въ началѣ Зиновій говоритъ о значеніи такихъ празднственныхъ собраний: ими, во первыхъ, чрезъ почитаніе праведника прославляется самъ Богъ, а во вторыхъ, ублажаемый праведникъ своими молитвами предъ Богомъ можетъ снискать почитателямъ его благъ временныхъ и вѣчныхъ, здоровья для тѣла и спасеніе души.

Въ виду празднуемаго событія онъ считаетъ самымъ приличнымъ случаю и времени сказать о самомъ обрѣтеніи мощей святаго и прежде всего о причинѣ. „еяже ради восхотѣ Господь обрѣсти намъ мощи святителя Іоны,—наченше отъ неправдъ нашихъ еже предъ Богомъ и отъ судебъ истинныхъ Божіихъ“. Поэтому, говоритъ онъ, начало слова будетъ печально и достойно плача, хотя для „разсуждающихъ правъ“ и въ этомъ есть причины для радости и для благодаренія и прославленія Господа. Если Богъ, съ одной стороны, караетъ за неправды, посылаетъ наказанія для возбужденія въ людяхъ раскаянія и обращенія къ Себѣ, то, съ другой стороны, Онъ же подаетъ и всякія милости людямъ, такъ что въ этомъ случаѣ вполне приличны слова апостола: „идѣ-же умножися грѣхъ, преизобилова благодать“ (Рим. 5, 20 и слова пс. 88, 31—34). Поэтому пусть никто не ставитъ мѣтъ въ укоръ, говоритъ Зиновій, если я въ этотъ торжественный день сперва стану говорить о грѣхахъ и беззаконіяхъ нашихъ и вызванныхъ ими Божіихъ наказаніяхъ. Въ противномъ случаѣ такого же упрека должны заслуживать и три отрока, которые въ своей молитвѣ къ Богу изъ раскаленной печи также говорили о грѣхахъ народа, повлекшихъ за собой Божіе отмщеніе (Дан. 3; 28—31). Но они своими словами не прогнѣвали Бога, а, напротивъ, претворили на милость, и никто ихъ не укорялъ за это. Такъ и мы, „глаголюще согрѣшенія наша, судъ и правду исповѣдающе Богови, никого же зазрѣнія достойни будемъ“; напротивъ, сознавши свои грѣхи и принеся въ нихъ искреннее раскаяніе, можемъ исправить свою жизнь и тѣмъ снискать милость отъ Бога. „Аще покаемся и умилюемъ божественное ²⁾, обратившеся отъ грѣхъ и добрымъ дѣломъ судъ и правду творяще, милость и щедроты аще лю-

¹⁾ „Обрѣтенію мощей его (Іоны) сотворяется память днесь“... „обрѣтеніе мощей Іоны собра насъ днесь“... „настопитъ празднество обрѣтенія мощей отца нашего Іоны“... говоритъ Зиновій въ словѣ.

²⁾ Такое же выраженіе въ „Многосл. посланій“, стр. 9.

бюще будемъ; внигда бо намъ не любити милости и щедротъ, и суда и правды не творити, тогда и томимы есмы и казимы отъ Бога“. Забвеніе правды и милости кажется ему главной причиной Божія гнѣва, который Онъ изливаетъ на людей и въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ. „Ибо сихъ ради, паче иныхъ заповѣдей своихъ Богъ запрещати намъ видится, и мучити насъ происходитъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ прежде будущаго вѣка... Иная же согрѣшенія въ будущій вѣкъ мучить Богъ токмо“. Свою мысль Зиновій подтверждаетъ очень рѣзкимъ и убѣдительнымъ примѣромъ — именно судьбою греческаго царства.

Греки, носящіе великое христіанское имя, держащіе въ чистотѣ православное ученіе, предаются Богомъ въ руки „языка нечистаго, врага христіанской религіи“; великое и могущественное царство греческое отдается во власть народу незначительному и слабому. Какая же причина такого Божественнаго опредѣленія? Неужели Богъ возлюбилъ турокъ болѣе, чѣмъ христіанъ-грековъ? Нѣтъ, — это случилось потому, что греки, „христіанское веліе имуще имя, дѣлъ же христіанскихъ не снабдѣша и судьбы Христовы не оправдаша: суда бо не взыскаша, и праведна суда не судиша, вдовицы и сироты оставиша хотящимъ озлобляти ихъ, и милости подручнымъ не сотвориша, и злата на владомыхъ собирать не престаша, и обидимыхъ изъ руку обидящихъ не избавиша, и обидимыя на обидящихъ не отмстиша,— сего ради Богъ и предасть я въ ружь врагъ христіанскихъ, языку нечисту; понеже турцы судъ имуть, и мзды не возьмутъ, и своимъ о златѣ не насилуютъ, и обидити никакоже попускають, — сего ради самага на толико долго время попусти владити имъ великимъ царствомъ греческимъ“. — И такъ, „нечистый“, антихристіанскій народъ въ своей соціальной жизни оказался выше, совершеннѣе грековъ, усвоившихъ и исповѣдующихъ христіанскіе законы. Великія заповѣди Христовы о любви, милости и правдѣ нашли себѣ примѣненіе у народа, не знающаго христіанскаго закона, и совсѣмъ забыты людьми, носящими Христово имя. Впрочемъ, замѣчаетъ Зиновій, хотя турки „въ иномъ“ творятъ судъ и правду, но такъ какъ они ненавидятъ и преслѣдуютъ вѣру Христову, то Богъ положить конецъ такому теченію дѣлъ, „разсудитъ прю свою“ и дастъ торжество христіанскому имени ¹⁾.

¹⁾ Такая же надежда высказывалась и Максимомъ Грекомъ (Сочин. ч. I, 143); а также въ „Повѣсти о взятіи Царыграда“.

Переносясь мыслью отъ этого примѣра къ отечественной современности, Зиновій прямо заявляетъ, что постигающія и насъ наказанія Божіи вызваны грѣхами нашими. „Грѣхъ бо ради нашихъ и беззаконія отъятъ Богъ плоды отъ земля наша и ницетою удручаетъ насъ и частыми глады безпрестани посѣщаетъ. И милость владущихъ на жестоко отягчаніе преложи“.—Жестокости и неправды правителей Зиновій также ставитъ въ числѣ наказаній Божіихъ и далѣе въ довольно рѣзкой и укоризненной формѣ изображаетъ ихъ такія отношенія къ народу, „яко неразумѣвати имъ убожества, не разсужати обнищанія, ни самыя смерти вмѣнати; не воспоминается оно, яко Господь мертвитъ и живить, богатитъ и убожить, и смиряетъ и выситъ. Аки лють облакъ,—добрыхъ губительница нашедши,—забытъ вся она, отъ мысли владущихъ и судъ и правду сотре, и милость и щедроты потреби; принуди же на подвластныхъ истязовати множайшая дани паче первыхъ, аки на неемлемыхъ смертию и ниже породу отъятися или приложитися могущихъ, и ницетою же и богатствомъ не предложнымъ быти“.

Сдѣлавши это общее замѣчаніе о Божіихъ наказаніяхъ и о причинахъ ихъ, Зиновій переходитъ къ болѣе частному указанію этихъ причинъ и къ болѣе подробному изображенію вызванныхъ ими Божіихъ наказаній. — Причины эти онъ видитъ не въ однихъ только нравственныхъ порокахъ, нарушеніяхъ нравственныхъ заповѣдей, но съ этими чисто-внутренними, душевными язвами тѣсно переплетаются пороки социальныя и экономическія. Забвеніе высокихъ принциповъ добра и правды сопровождалось великими социальными бѣдствіями, которыя развѣдали государственной организмъ въ его периферіяхъ. Жестокія и несправедливыя отношенія правящихъ лицъ и тяжкія экономическія условія, созданныя богатыми владѣльческими классами и органами фискальной системы, дѣлали невыносимой жизнь бѣднаго работающаго населенія.

Таковы были нравственныя причины постигшихъ русскую землю бѣдствій. „Елицы бо праздни въ насъ¹⁾ не научевахуся разумѣти Бога и, убоившися Его, сотворити заповѣди Его, заповѣди убо — милость и щедроты возлюбити, судъ и правду сотворити; празни же не о семъ упражняхуся—еже творити судъ и правду и любити милость и щедроты, но паче въ піанства и глумленія и блуды беззаконныя поучевающеса тщахуся, въ лакомства же и насилія, въ татъбы и во

убійства и прелюбодѣйства и всяко не преподобнаго оплазства въ пропасти рѣющеся; и нѣсть бо кто возбраняя имъ таковому злу, ни мстя на нихъ таковое губительство“. Нравственный и социальный контроль надъ этими неправдами совершенно отсутствовалъ, никто не пытался и не заботился положить предѣлъ этому произволу, насиліямъ и неправдамъ. „И сія лютая множащеса умножевахуся въ насъ съ неправедными суды“. Тѣ общественныя учрежденія, на обязанности которыхъ лежить указанный выше контроль, которыя должны были блюсти правду въ народѣ, быть представителями справедливости и истины,—и эти учрежденія подпали общему теченію: неправда воцарилась въ судахъ! И вотъ Богъ насылаетъ лютый голодъ¹⁾. Представители власти, административныя органы и имущественныя владѣльцы-помѣщики, проявившіе доселѣ свое отношеніе къ ближнимъ въ жестокости и разныхъ притѣсненіяхъ, не измѣнили своего поведения, не выказали попытокъ къ нравственному обновленію, остались неисправимыми и безчувственными при этомъ Божіемъ наказаніи. Даже народное бѣдствіе не постѣснились они обратить въ свою пользу, не тронуло ихъ душу общее несчастіе, не смягчилось ихъ сердце нуждою народною, не двинуло на помощь къ нуждающимся. Только съ горькой ироніей, съ накидѣвшими въ сердцѣ слезами можетъ говорить объ этомъ Зиновій. Когда голодъ лютый разлился по землѣ и когда „многая множества селянъ, своя рала повергше, разыдошася и мнози отъ нихъ во градъ пришедше, отъ загладненія ржаный хлѣбъ ядша, опухша помроша, оставши же на селѣхъ траву яко и скоти ядыху и кору отъ деревьевъ и гнилыя клады; и ини же тогда милосердіе кое правителіе земстїи показаша на нихъ запустѣніемъ сихъ хотяще умножити ризница, налагающе дань къ дани за опустѣвшая села на оставшихъ и еще истязоваху аки паче Бога могуще и сильнѣе Создателя прящеса быти“, и онъ уподобляетъ ихъ Ксерксу, повелѣвшему наказать море, „разсыпавшее волнами мосты его новыя“.—Слѣдовательно, и самое наказаніе Божіе не образумило нечестивыхъ, не научило ихъ милости и правдѣ, напротивъ, они,—эти сильные и богатые, для которыхъ всего менѣе было чувствительно общее народное бѣдствіе,—обнаружили еще большую несправедливость и жестокость къ своимъ ближнимъ, чѣмъ прежде.

Эти то грѣхи нравственныя и общественныя, эта нераскалнность

¹⁾ Мы не нашли въ лѣтописяхъ указанія на этотъ голодъ; послѣдній по времени голодъ указанъ подъ 7052 (1544) годомъ [П. С. Р. л. III, 150].

¹⁾ Ср. объ этихъ „праздныхъ“ въ книгѣ г. Жмакина „М. Даниилъ“, 543.

и нравственная закорюзлость высшаго класса народа были причиной новаго бѣдствія, посланнаго Богомъ. Въ скученномъ населеніи города развилась эпидемія („морь лютой“) ¹⁾, которая ежедневно похищала многочисленныя жертвы. Хотя, говоритъ Зиновій, и опредѣляется количество умершихъ тогда сотней тысячъ, но эта цифра не истинна. „Нѣсть бо кто считаа, и всѣмъ вкушъ челоуѣкомъ акы травѣ пожинаемымъ быти, съ мертвецы и погребателемъ совокупающемся, съ ними же и провожающихъ пѣвцы и попове помроша“. Кому нужно было тогда считать умершихъ, когда и самъ архіепископъ палъ жертвой эпидеміи ²⁾. Каждый сутки тогда по улицамъ подбирали и приносили къ церквамъ трупы по 70, по 100, иногда же и по полтора ста.

Но и это наказаніе не оказало надлежащаго воспитательнаго дѣйствія. „И понеже мы и еще не изнемогахомъ по грѣсѣхъ нашихъ, стираеми ими, но паче и приложихомъ грѣхи на грѣхи“, по внушенію діавола въ православной церкви возникла ересь Косого, явились

1) Въ 3 Новг. лѣт. этотъ морь 1552 года описывается слѣдующимъ образомъ: „Въ лѣто 7060, іюля въ день, нача смертоносіе быти въ Великомъ Новоградѣ, и съ августа велми сильнѣе бысть; и Божіимъ поущеніемъ таково бысть повѣтріе отъ Семена дня 7061 года до Николина дня мѣсяца декабря. Священнаго чина иноковъ престависа и священниковъ и діаконовъ безчисленное множество, много еже овдовѣша и мнози сами изомроша, яко многія церкви вседневныя безъ службы были многое время, а въ волостѣхъ въ дву или въ трехъ единъ священникъ, и въ величѣй соборной церкви во святѣй Софіи только остана шесть священниковъ да два діакона, а было у св. Софіи протопопъ да 18 поповъ, протодьяконъ, 4 дьякона да архидьяконъ. Яко мнози челоуѣцы древнии не запомнятъ такого повѣтріа на священнической чинѣ. И всего въ повѣтріе не стало смертносною язвою въ Великомъ Новѣградѣ, и по монастыремъ, и въ Старой Русѣ, и въ пригородѣхъ, и въ волостѣхъ новгородскихъ игуменовъ и священноиноковъ и инокинъ и мншеслаго чину, священниковъ и діаконовъ и всѣхъ православныхъ христіанъ 279594 челоуѣки“ (по другимъ спискамъ 279545. — П. С. Р. л. III, 251 стр.). Морь этотъ распространился и въ псковской области. „Лѣта 7061 (по др. 7060). „Бысть морь великъ во градѣ Псковѣ и по волостемъ: съ седмаго четверга октября до 7 числа положиша въ скудельницу 4 тыс. 8 сотъ и покопаша, и послѣ того въ мѣсяць и въ 3 дни ноября до 9 числа положиша въ новую скудельницу 2 т. 7 сотъ и покопаша; мряху бо многіе священицы и діаконъ младае, а старыя Богъ соблодаше; мнози тогда священники обовдовѣша, мроша тогда простыя люди железю... и въ годъ положили въ скудельницахъ 25 тысячъ, а по бумагъ не вѣмъ колко числомъ“ (1 Псковск. лѣт. — П. С. Р. л. IV, стр. 380).

2) Того же лѣта, 7061 октября въ 29 день, въ субботу престависа и самъ архіепископъ *Серапѣонъ*, въ началѣ 9 часа дни..., а бысть во архіепископѣи годъ и 19 недѣль и 5 дней и 9 часовъ (какая пунктуальность!) П. С. Р. л. III, 252 стр.

„волки въ одеждахъ овчихъ, лицемѣрные монахи, въ сердцахъ исполненные невѣрія, но лицемѣрующіеся христіанствомъ... Святыя бо церкви хулять и честнымъ инокамъ поругаются, наки же въ церкви входяще иконамъ поклоняются; поповство и святительство хулять, въ попы же поставлятися ко святителемъ приходятъ; лицемѣрующіеся во всемъ, акы православнии творящеся, православныя же разврацають во ереси погибельныя; хвалятся вѣровати евангелію Христову, Христу же не поклоняются грубыя прелцають“ ¹⁾. И такъ какъ пастыри православной церкви показали полное нерадѣніе о прекращеніи этого зла, не приложили старанія положить предѣлъ ихъ богохульному лицемѣрію, то Богъ попустилъ одно странное явленіе, аналогичное тогдашнимъ обстоятельствамъ. Такъ какъ лицемѣрные еретики оскверняли своимъ вхожденіемъ церкви Божіи, то Богъ попустилъ „исамъ во время святаго пѣнія въ церкви вскакати“ ²⁾, и это явленіе продолжалось цѣлыя полгода, „и не преже того времени, ниже послѣди слышано бысть таковое песіе безстудіе къ священнымъ церквамъ“. Ясно, что Богъ „песіимъ въ церковь врѣяніемъ показывалъ нестойное еретическое въ церковь хоженіе, и смрадомъ песіимъ во священныхъ церквахъ таймую въ нихъ мерзость злодѣйства и сквернѣе обличаше“, а также обличалъ и „нерадящихъ запрещати имъ“.

Въ связь съ этимъ явленіемъ еретиковъ и главнымъ образомъ съ небреженіемъ объ ихъ обличеніи пастырей церковныхъ Зиновій ставитъ частые и опустошительные пожары, бывшіе въ это же время ³⁾. „Понеже, говоритъ онъ, хулники презрѣвшіе, оставихомъ оскверняти имъ, яко же и песомъ, святыя церкви, и не взыскахомъ сіа безза-

1) См. тоже въ „Многословномъ посланіи“, стр. 276—278. Ср. „Истины показаніе“, стр. 47 и 110 и л. 343 об.

2) По церковному возрѣнію вѣбжавшій песь оскверняетъ церковь, и существуетъ обрядъ на освященіе ея послѣ этого обстоятельства. Точно также считалось осквернительнымъ вхожденіе въ церковь еретиковъ, и въ XVI—XVII столѣтіи было въ обычаѣ послѣ посѣщенія церкви лютераниномъ совершать тотъ же обрядъ, составленный на случай „аще песь вѣбжитъ въ церковь“.

3) Пожары въ Новгородской области бывали очень часто. Такъ въ 7059 (1551) году 9 мая выгорѣлъ Юрьевъ монастырь; 20 іюля на Рогатици улицы въ церкви вси иконы выгорѣли; 25 августа сгорѣла волость Юрьева монастыря Боженка. 7060 году 9 декабря, былъ пожаръ въ Варнаринскомъ монастырѣ; 27 декабря въ монастырѣ св. Николы на Лядки. 1552 г. 8 февраля горѣло Чюднское заполье; 4 марта горѣло въ Перинѣ монастырѣ; 8 марта — въ монастырѣ на Линѣ; 20 іюня сгорѣла церковь Троицкая „отъ грому“. 7061 (1552—1553) годъ прошелъ безъ пожаровъ.

конныя, ни запретивше имъ возбранихомъ зло творити, поругающимъ и сквернящимъ Божіа священія, ниже праведною подвижесея о Бозѣ ревностію еже святая на еретиковъ отмстити, сего ради съ домовы и священныя церкви пожже огонь, Богу чистящу изъ святыхъ своихъ и истребляющу скверныя нечестія злыхъ отступниковъ“.

Но не одно наказаніе перенесла Русская земля въ это время, она испытала и блага милости Божіей. „Внегда бо мучити насъ Ему (Богу), вкупе абіе и помиловати“. Милость эта обнаружилась въ явленіи мощей новгородскихъ святителей Никиты и Ионы, чѣмъ Господь фактически обличилъ еретиковъ хульниковъ. Но тѣло Никиты было только усмотрѣно нетлѣннымъ въ гробѣ, но еще не было изъято (въ 1551 году), мощи же Ионы были вынуты изъ гроба. „Тогда же разрѣши намъ Господь нужю глада и страхъ мора и ярость огня: бысть бо лѣто плодоносно, въ неже обрѣтошася мощи, мору преставшу. по немже и бывшему иже на градѣхъ и селѣхъ запаленію укрошшуся“. Затѣмъ, когда въ тотъ же годъ ¹⁾ митрополитъ Макарій со священнымъ соборомъ обличилъ нечестіе еретическое и отлучилъ еретиковъ отъ церкви, „тогда и Господь къ намъ милостію и щедротами призрѣ, и святыхъ своихъ прослави: множество целботочныхъ чудесъ пролявъ отъ честныхъ иконъ и отъ священныхъ мощей по многимъ мѣстамъ... и въ самой Москвѣ“.

Таковы были ближайшія и отдаленныя причины явленія мощей двухъ святителей Никиты и Ионы. Объ обрѣтеніи мощей епископа Никиты было сказано въ свое время, а теперь, говоритъ Зиновій, скажемъ объ открытіи мощей архіепископа Ионы. Случилось это при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ.

Въ праздникъ обновленія храма Воскресенія Христова (13-го сентября) во время утрени загорѣлась кровля „трапезарни“. Огонь появился изъ дымовой трубы пекарни („хлѣботворницы“), которая помещалась подъ трапезарней. Народъ и монахи, увидя пожаръ, оставили богослуженіе и бросились гасить огонь. Но такъ какъ случилось мало народу въ монастырѣ ²⁾, а огонь все усиливался, то люди,

¹⁾ Въ 7062 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ (=1553 г.) послѣдовало соборное осужденіе и ссылка Матвѣя Башкина, а въ январѣ того же года (то-есть, уже 1554) былъ сосланъ въ Соловки игуменъ Артемій. Въ слѣдующемъ—7063 году были взяты Феодосій Косой и его сообщники.

²⁾ Это не потому случилось, говоритъ Зиновій, что люди перемерли во время голода (тогда всѣ бывшіе въ монастырѣ получали достаточное пропитаніе), но потому, что по осени разошлись изъ монастыря по разнымъ потребностямъ.

видя, что ихъ усилія напрасны, поспѣшили выносить священныя вещи изъ церкви трехъ святителей, которая стояла близко къ трапезарнѣ и паперть ея соединена была съ ней деревянной галлереей. Занялись огнемъ и эта галлерей и паперть; пламень приближался къ церкви Іоанна Крестителя, пристроенной справа къ паперти храма трехъ святителей, кровля у ней была деревянная. Въ этой церкви покоились мощи св. Ионы во гробѣ, прикрытомъ досками. И вотъ загорается на церкви деревянная кровля,—легко могли сгорѣть и мощи. Тогда два челоуѣка, никѣмъ не посланные, а просто въ силу внутренняго своего побужденія, по какому-то „божественному мановенію“, бросились въ церковь Крестителя, разобрали надгробіе и вынесли раку съ мощами Ионы. „Толику силу, говоритъ Зиновій, мужа она пріяста, на послуженіе рацѣ: два ихъ точію изъ земля изнесоша раку святителя, и изнесше изъ церкви, среди монастыря положиша, между церквами трехъ святителей и блаженнаго Онуфрія, и не потребоваста спомогающихъ имъ, яко самому блаженному хотящу и невидимою силою подыматися рацѣ его въ руку мужа онѣма тогда“. Чудесность этого событія вскорѣ обнаружилась: когда они захотѣли поднять раку съ земли, чтобы для безопасности совѣмъ вынести изъ монастыря, то „не подвижесея, ни подастся имъ рака“, такъ что они не могли даже сдвинуть ее съ мѣста. Къ этому прибавилось новое чудо: рака стояла среди моря пламени и осталась невредима. Съ одной стороны горѣла церковь трехъ святителей и колокольня слѣва, съ другой стороны, церковь Іоанна Предтечи и соединяющая ихъ галлерей, съ третьей, наконецъ, загорѣлась и деревянная церковь св. Онуфрія и монастырскія кельи. Рака же съ мощами лежала въ серединѣ, „пламени же отъ церквей и съ обою страну раки яко горама восходящема, и хижемъ вкупѣ окрестъ горящемъ, и вѣтромъ множества дыма съ пламенемъ монастырю надклоняющися, людемъ проходити мимо рацѣ не могущимъ множества ради разженія, рака же святителя отъ толика жара ничтоже страдаше“.

По прекращеніи пожара 4 монаха и 2 священника съ пѣніемъ внесли раку святителя въ церковь Іоанна Предтечи и поставили въ алтарѣ за трапезой. Игуменъ донесъ о пожарѣ и изъятіи мощей архіепископу Пимену. Тотъ повелѣлъ покрыть церковь Крестителя. Когда она была восстановлена и „украшена“, архіепископъ со старѣйшими игуменами и архимандритомъ юрьевскимъ Иларіономъ прибылъ въ Отню пустынь и совершилъ положеніе мощей на прежнее мѣсто, въ могилу, выкопанную самимъ Ионой. И это событіе было отмѣчено од-

нимъ чудеснымъ обстоятельствомъ. Когда была открыта рака для цѣлованія мощей, то близстоящіе ощутили благоуханіе, исходящее отъ мощей. Но не всѣ люди были удостоены чувствовать это благоуханіе и причина этого указывается слѣдующая. Въ числѣ присутствовавшихъ, какъ сказано, былъ Юрьевскій архимандритъ Иларіонъ, который еще до этого, по повелѣнію архіепископа, пріѣзжалъ съ Хутынскимъ и Антошевскимъ игуменами „соглядати мощи архіепископа Іоны“. Говорятъ, что онъ тогда „похулялъ“ эти мощи, что очень возможно, такъ какъ онъ былъ другомъ и преемникомъ въ монастырѣ епископа Рязанскаго Кассіана, зараженнаго тайнымъ еретичествомъ¹⁾. „Въ семь убо Кассіанѣ тайную безбожныхъ онѣхъ мнихъ еретическую скверну Божіей всезрящій судъ обличи, разслабивъ бо того всѣми улы, отъ святыхъ своея церквѣ и отъ епископства изгна“. И я думаю, заключаетъ Зиновій, что невѣрія ради архимандрита Иларіона, „станника Кассіанова“, не всѣми было ощущаемо благоуханіе отъ мощей свят. Іоны.

Дальше до конца слова (л. 351—361) содержится буквальная выписка изъ „Истины показанія“ тирады въ пользу почитанія мощей (съ 493—509 стр.), при чемъ порядокъ изложенія здѣсь иной; очевидно, переписчикъ перемѣшалъ листы и списалъ ихъ какъ попало; безъ всякой связи и вопреки смыслу. Вотъ порядокъ слова сравнительно съ „Истины показаніемъ“.

„Истины показаніе“	Слово
Стр. 493 — 497 =	л. 354 — 356 об.
„ 497 — 499 =	„ 352 — 353 „
„ 499 — 500 =	„ 351 — 352
501 — 502 =	„ 353 об. — 354
„ 502 — 504 =	„ 357 „ — 358 об.
„ 504 — 506 =	„ 356 „ — 357 „
„ 506 — 509 =	„ 358 „ — 360 „

И замѣчательно, что получилась такая невозможная путаница, какую можно сдѣлать только съ намѣреніемъ исказить всякій смыслъ,

¹⁾ Кассіанъ упоминается на Рязанской кафедрѣ съ 1551 года (преемникъ его Михаилъ умеръ въ 1551 г.), въ началѣ 1554 г. лишенъ сана на соборѣ и сосланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ умеръ 21-го октября 1556 г. (См. объ этомъ „Сказаніе“ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847 г. № 3).—Архимандритъ Иларіонъ, его преемникъ въ Юрьевѣ монастырѣ упоминается въ 7060 (1552 г.), [П. С. Р. Л. III, 155]; а въ 7062 (1554 г.) 23-го іюня мы встрѣчаемъ уже архимандрита Геннадія, псковитина Медкова, Елизарьева монастыря [П. С. Р. Л. III, 157].

еслибы кому это понадобилось. Здѣсь нѣтъ послѣдовательности даже между двумя листами. Понятно, что слѣдствіемъ этого является полная бессмыслица. Вся эта выписка, во первыхъ, не имѣетъ начала: она начинается съ половины фразы на 493 стр. (строка 13): „но свободно тѣлеса святыхъ въ общую пользу предложить, положивше ихъ во гробѣхъ ихъ“... Очевидно, здѣсь есть пропускъ, о размѣрахъ котораго трудно судить; рѣчь въ защиту мощей могла начаться и съ 412 стр. или нѣсколько дальше,—во всякомъ случаѣ трудно возстановить связь этой выписки съ словомъ Зиновія.—Вовторыхъ, выписанные изъ „Истины показанія“ тирады начинаются или оканчиваются на половинѣ предложения, что, конечно, лишаетъ ихъ всякаго смысла и свидѣтельствуешь объ ихъ случайной чисто-механической связи. Напримѣръ, на л. 354 встрѣчаемъ такую бессмыслицу: „сего ради возбраняхуся и Іоанна и Корниліе, овъ убо ангеломъ, овъ же Петромъ въ таковыхъ имже обладати тшахуся, но свободно тѣлеса святыхъ въ общую ползу предложить“ (7—11 строк.). То же самое на л. 356 (стр. 8—9), 357 об. (14—15 стр.), 358 об. (18—19 стр.) и др.—Въ виду буквальнаго сходства конца слова съ „Истины показаніемъ“, мы не будемъ излагать его содержанія, а замѣтимъ только, что въ словѣ есть очень незначительныя отступленія отъ текста „Истины показанія“ въ родѣ иной разстановки словъ, небольшихъ пропусковъ, да къ тому же переписка безграмотна. Кромѣ того текстъ этого слова относится къ тому типу редакціи „Истины показанія“, къ которому принадлежитъ рукопись № 605¹⁾.

Какія можно представить объясненія этой странной прибавки къ слову Зиновія? Кромѣ чистой, ненамѣренной случайности, это обстоятельство могло случиться и съ особымъ намѣреніемъ; можетъ быть, даже самъ Зиновій приложилъ къ слову листы изъ „Истины показанія“ о почитаніи мощей съ цѣлью воспользоваться ихъ мыслями или при устномъ произнесеніи слова, или же изложить снова письменно ихъ содержаніе въ концѣ слова. Смерть или что другое могло помѣшать послѣднему намѣренію, и листы такъ и остались при словѣ, а потомъ перемѣшались, и переписчикъ списалъ ихъ, какъ они лежали.—Вотъ болѣе вѣроятное, по нашему мнѣнію, разъясненіе.

¹⁾ Такъ на л. 355 изложеніе буквально сходно съ текстомъ примѣчаній 2, 3, 4 и 5 изъ № 605 (на стран. 495); то же согласіе между л. 351 об.—352 и прим. 7. на стр. 500; л. 357 — стр. 505, пр. 5; л. 354 об. — стр. 494, пр. 2; л. 355 — стр. 494, пр. 7; л. 353 об. — стр. 502, пр. 4; л. 356 — стр. 504, пр. 8; л. 360 об. — стр. 508, пр. 4 и др.

Изложенное слово Зиновія, какъ видимъ, совсѣмъ другаго характера сравнительно со словомъ о Никитѣ. Тамъ авторъ рисуетъ намъ возвышенные идеалы нравственнаго совершенства, указываетъ примѣры религиозныхъ подвиговъ и упражненій, даетъ уроки богоугождения и самоусовершенствованія, вообще его поученіе имѣетъ болѣе отвлеченный, теоретическій характеръ, не смотря и на конкретные примѣры,—авторъ вращается въ сферѣ идеальныхъ порядковъ, возвышающихся надъ реальнымъ міромъ. Здѣсь наоборотъ—сферой вниманія автора является современная ему дѣйствительность, онъ имѣетъ въ виду общественныя и житейскія отношенія и социальныя порядки; всѣ мысли его, такъ сказать, парятъ надъ здѣшнимъ міромъ, и къ улучшенію и упорядоченію его направлены его стремленія. Первое слово носитъ характеръ теоретико-поучительный, догматико-апологетическій; во второмъ словѣ поученіе направлено въ сторону морали индивидуальной и общественной; оно имѣетъ въ виду воздѣйствіе на дѣятельныя способности человѣка и запечатлѣно характеромъ публицистическимъ. Тамъ главной цѣлью бесѣды была защита христіанскаго догмата и церковнаго обычая отъ нападокъ современныхъ еретиковъ, здѣсь главный предметъ рѣчи неприглядная наличная дѣйствительность русскаго общества: беспорядочность нравственной жизни и обусловливаемая ею ненормальности социальныхъ и экономическихъ отношеній.—Отъ этого, можетъ быть, въ первомъ словѣ идеальные мотивы его содержанія требовали и риторически-напыщеннаго тона, возвышенности идей отвѣчала приподнятость и высокопарность выражений. Здѣсь, наоборотъ, житейская реальность, наличная дѣйствительность спасли автора отъ увлеченія риторикой; жизненное содержаніе вылилось въ простую, естественную реальную форму безъ всякой искусственной аффектаціи; риторики нѣтъ здѣсь и слѣда. Живыя и яркія картины русскаго быта, нарисованныя Зиновіемъ, не наборъ казенныхъ фразъ, а отраженіе видѣнной имъ дѣйствительности; обличительныя тирады не носятъ скучнаго характера заученныхъ моральныхъ сентенцій, а льются отъ огорченнаго сердца, запечатлѣны скорбнымъ тономъ искренно чувствующаго человѣка; наконецъ, съ полной простотой и безыскусственностью описано открытіе мощей, а событіе такой важности для тогдашняго ритора давало полное право выйти изъ нормальнаго состоянія и разразиться оглушительнымъ потокомъ неистощимаго краснорѣчія.

Слово объ Іонѣ можно раздѣлить на двѣ части: предисловіе. въ

которомъ излагаются причины („вины“) открытія мощей и исторія самаго открытія. Главнымъ предметомъ слова была, конечно, послѣдняя часть, но авторъ на столько увлекся обличительной цѣлью, что предисловіе оказалось вдвое больше самаго слова. И надо сознаться, что если что и дѣлаетъ интереснымъ это слово, если что есть въ немъ важнаго и для науки и для характеристики автора, то это его первая половина.

Исторія обрѣтенія мощей разказана простымъ повѣствовательнымъ языкомъ и съ такими подробностями и мелочными указаніями, которыя показываютъ, что авторомъ ея могъ быть только очевидецъ. Здѣсь можно отмѣтить для характеристики автора уже знакомую намъ по слову о Никитѣ провиденціальную точку зрѣнія на всѣ событія. Открытіе мощей, бывшее въ дѣйствительности простою обыкновенною случайностью, обусловленною пожаромъ, обставляется у него вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ, участіемъ Божественнаго промысла, предусмотрѣнною благовременностью и благодатными послѣдствіями. Затѣмъ фактъ цѣлованія мощей сопровождается чудеснымъ благоуханіемъ, при чемъ, если не всѣ удостоились его обонять, то виною этого былъ скептицизмъ архимандрита, зараженнаго тайной ересью. Эта послѣдняя отмѣтка важна въ томъ смыслѣ, что здѣсь Зиновій присоединяется въ своемъ сужденіи объ епископѣ Кассіанѣ и еретикахъ къ господствовавшему взгляду, установившемуся въ правящихъ сферахъ и выраженному по отношенію къ Кассіану въ указанномъ выше „сказаніи“ о немъ.

Переходимъ къ первой части. Со времени Максима Грека еще не раздавалось на Руси такого обличительно-смѣлаго, беспощаднаго голоса, какимъ заговорилъ Зиновій въ своемъ словѣ. Не встрѣчаемъ мы у другихъ обличителей такого широкаго захвата жизни, такого глубокаго пониманія нравственныхъ и социальныхъ недуговъ въ современномъ обществѣ и указанія существенныхъ причинъ этихъ недуговъ. Не на мелочныя явленія и обнаруженія внутренней несостоятельности направлены удары, не на внѣшніе пороки людей, обусловленные ихъ слабою природою и духовнымъ невѣжествомъ, онъ указываетъ (какъ это видимъ, на примѣръ, у митрополита Даниіла), напротивъ, Зиновій осуждаетъ всю систему нравственныхъ и общественныхъ отношеній. Не въ однихъ грѣхахъ и нравственной порочности видитъ онъ причины бѣдствій физическихъ, а возвышается до пониманія причинъ, лежащихъ въ самомъ строѣ общественныхъ от-

ношеній (до этого, какъ знаемъ, не домыслилась даже такая коллективная величина, какъ Стоглавый соборъ) ¹⁾.

Главные удары своихъ обличеній Зиновій направляетъ на высшій господствующій классъ „владущихъ и правителей земскихъ“. Онъ рисуетъ ихъ нравственную распущенность, полную деморализацію ихъ частной личной жизни и въ ихъ сношеніяхъ съ другими людьми, особенно отъ нихъ зависимыми: правда и милость, руководящіе принципы всей нашей жизни—частной и общественной, ими забыты, ихъ вытѣснили эгоистическіе инстинкты, не знающіе удержа въ своихъ удовольствіяхъ. На столько испорченность проникла въ ихъ душевный организмъ, на столько вѣлалась въ него и сжилась со всѣми ихъ стремленіями и желаніями, что даже въ години безвременья, всеобщаго бѣдствія, поразившаго бѣднѣйшій трудящійся классъ, они не возвратились къ человѣческимъ чувствамъ, не заявили о своей принадлежности къ высшей, разумной породѣ существъ: эти бѣдствія послужили для нихъ удобнымъ и выгоднымъ средствомъ къ богатой наживѣ. Во время народнаго голода государственные налоги не были сняты или облегчены, напротивъ, легли тягчайшимъ бременемъ на бѣдныхъ, которымъ пришлось платить за разбѣжавшихся своихъ односельчанъ. Къ тому же правители не могли забыть и своего собственнаго кармана и спѣшили сорвать съ народа все, что было можно, „дань къ дани налагающе“.

Небреженіе въ духовно-нравственномъ воспитаніи и руководствѣ вызвало новое зло: ересь прозябла въ церкви и подрывала ея ученіе и порядки. Слишкомъ кратко и глухо говоритъ Зиновій о забвеніи тѣхъ же указанныхъ выше принциповъ и своего учительнаго долга въ сферахъ высшаго нравственнаго и матеріальнаго наблюденія за ихъ сохраненіемъ. „И нѣсть кто возбраяя имъ (то-есть, владущимъ) такому злу, ни метя на нихъ таковое губительство“... Тогда Высшая Правда подвиглась съ небснаго престола и встала на защиту тѣхъ своихъ законовъ, безъ которыхъ не можетъ стоять человѣческое общество. Бѣды за бѣдами—и физическія и моральныя—обрушиваются на русскую землю, на государство и церковь. Голодь, моръ, пожары, странное поведеніе псовъ... все это разсматривается Зиновіемъ, какъ сильные средства, предпріятыя Божественнымъ правосудіемъ для вразумленія русскаго народа въ лицѣ его высшихъ руководителей и

¹⁾ См. *Кіев. Ун. Изв.*, 1866 г., № 1. *Иконтиковъ*. „Русскіе общественные дѣятели XVI вѣка“.

попечителей. Провиденціальная точка зрѣнія руководила авторомъ во взглядѣ на всѣ эти событія, такъ что онъ подчасъ не различаетъ причинъ отъ слѣдствій; несправедливости и притѣсненія правителей также разсматриваетъ какъ наказаніе народа за его грѣхи, забывая, что только предъ этимъ разсматривалъ ихъ какъ причины Божескаго наказанія. Этотъ же взглядъ дѣлаетъ для него удобнымъ и легкимъ переходъ отъ пессимизма и обличительнаго настроенія къ благодушному изображенію благодатныхъ милостей Божіихъ, къ жизнерадостнымъ картинамъ духовнаго и матеріальнаго довольства.

Интересно отмѣтить здѣсь одну характерную особенность. Зиновій разошелся съ обычнымъ взглядомъ своихъ современниковъ на русское царство, какъ на непоколебимый оплотъ православія, какъ воплощеніе христіанскихъ идеаловъ, какъ вѣчное и послѣднее наслѣдіе сошедшихъ съ исторической сцены двухъ Римовъ классическихъ. Оптимически-самодовольный взглядъ этотъ былъ близорукимъ, поверхностнымъ, слишкомъ отвлеченнымъ и безпочвеннымъ. Вдумчивое и предвзятое разсмотрѣніе современной дѣйствительности заставило Зиновія иначе взглянуть на положеніе дѣлъ, и поставило его на вѣрную реальную почву... Не даромъ привелъ онъ на память картинный и рѣзкій примѣръ православнаго царства грековъ, — втораго Рима, подъ властью „языка ничтожна, нечиста, антихристіанскаго“. Примѣръ былъ ясенъ для всѣхъ и выводы изъ него не могли затруднить самую разсѣянную голову.

Евдокій Косой въ лицѣ Зиновія имѣлъ для себя безопаднаго обличителя. Его вольнодумство не осталось безъ должной награды и въ этомъ словѣ. Зиновій, упомянувши кратко о прошломъ Косого (согласно съ „Многословнымъ Послаіемъ“); изображаетъ его ученіе какъ сплошное лицемѣріе. Еретики въ душѣ отвергали и таинства и обряды, а на дѣлѣ лицемѣрно прикидываются вѣрными ученію и уставамъ церковнымъ; „исполненные лжи, они только лицемѣрятся христіанствомъ“. Нормой отношеній къ еретикамъ ставится преслѣдованіе ихъ и „запрещеніе“, и такое отношеніе оправдывается „ревностію о Бозѣ“.

Вотъ существенные пункты воззрѣній инока Зиновія.

Ф. Балутинъ.